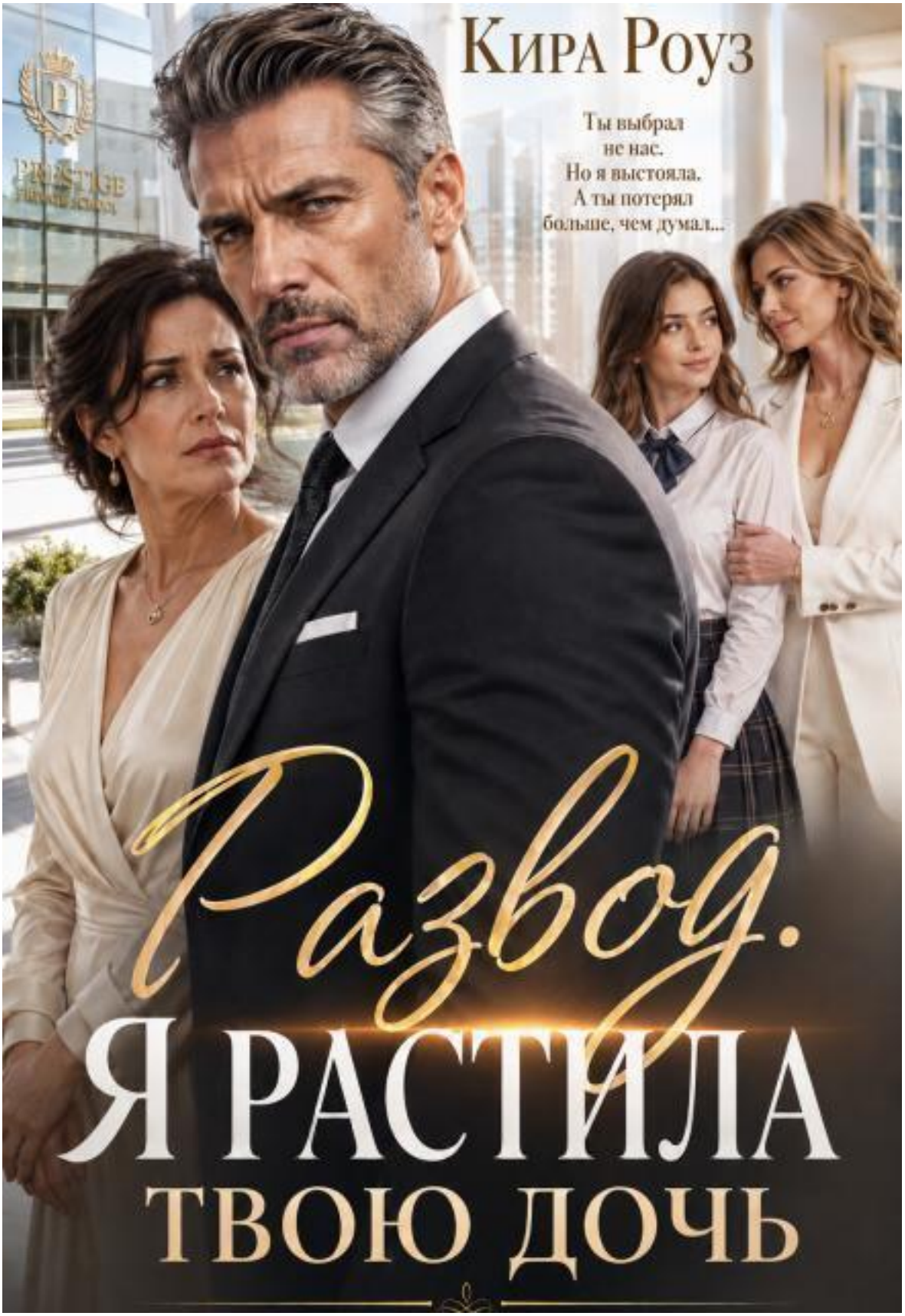

Кира Роуз
Ты выбрал
не нас.
Но я выстояла.
А ты потерял
больше, чем думал...
Развод.
Я растила
твою дочь

Кира Роуз

Развод. Я растила твою дочь

«Литнет»
2026

Роуз К.

Развод. Я растила твою дочь / К. Роуз — «Литнет», 2026

— Мама, ты всё-таки приехала! — кричит моя дочь на выпускном, бросаясь со сцены. Но бежит она не ко мне. Она обнимает женщину, которую я считала бесследно исчезнувшей.Восемнадцать лет назад муж принес мне младенца, выдав за сироту, оставшуюся после гибели его двоюродного брата. Я оформила опекунство, не спала ночами, лечила, любила и растила эту девочку как свою.А сегодня узнала, что мой идеальный муж — ее родной отец. Что он уже два года спит с ее биологической матерью. И что моя дочь полгода тайно встречается с ними за моей спиной.— Для тебя ничего не изменится, Вера, — заявляет муж. — Ты её вырастила. Будь умницей, не ломай девочке жизнь.Он уверен, что ради любви к дочери я стерплю всё, отпишу им долю в бизнесе и оплачу заграничную учебу. Но он ошибся. Изменится всё.В тексте есть: измена мужа, предательство близких, развод, сильная героиня, властный и циничный герой ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Мама, ты всё-таки приехала 5
Глава 2. Тогда кто её отец? 8
Глава 3. Твоя дочь 11
Глава 4. Полгода 14
Глава 5. Вы втроём 17
Глава 6. Ты снова с ней 20
Глава 7. Уходи 23
Глава 8. Не держи меня 26
Глава 9. Алина Орлова 30
Глава 10. Я сама ей платила 33
Глава 11. После выпускного 36
Глава 12. Ты готовился 39
Глава 13. Первые уходят 42
Глава 14. Он действительно готовился 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Глава 1. Мама, ты всё-таки приехала

— Мам… Ты всё-таки приехала!

Лиза слетает с низкой ступени сцены так быстро, что синяя лента выпускника цепляется за стойку с цветами и съезжает с плеча.

Я уже двигаюсь следом — привычно, потому что весь вечер она то оставляет телефон на краю стола, то забывает папку с аттестатом, то уверяет, что туфли ей совершенно не жмут, хотя десять минут назад шептала за кулисами: «Мам, если я выживу, больше никогда не надену каблуки». Но сейчас останавливаюсь.

Лиза бежит не ко мне. Женщина у задних дверей едва успевает поставить сумку на стул, прежде чем дочь обнимает её обеими руками и прячет лицо у неё на плече. Я слишком хорошо знаю этот жест.

В пять лет Лиза так цеплялась за меня после первой недели в саду, в двенадцать — после проваленной олимпиады, а сегодня утром отмахнулась, когда я застёгивала на ней цепочку: «Мне восемнадцать, хватит со мной как с маленькой». Сейчас моей взрослой дочери снова будто пять. Только обнимает она другую женщину.

Вокруг продолжают хлопать. Ведущая называет следующего выпускника, родители тянут телефоны над головами, фотограф просит первый ряд не вставать. Никто ещё не понимает, что произошло.

Наверное, и я продолжала бы искать разумное объяснение, если бы не Кирилл.

Он стоит рядом с бокалом воды, который принёс Лизе перед общей фотографией, и смотрит только на них. Я зову его по имени. Кирилл слышит, но вместо ответа ставит бокал прямо на стопку программок; вода переливается через край, а он даже не пытается её вытереть. — Вера, не сейчас, — говорит он слишком быстро. — Давай сначала закончим выпускной.

Я ещё ничего не успела спросить. Кирилл сам заговорил об отсрочке, и теперь Лизино «мама» отходит на второй план: муж заранее знает, какой вопрос должен прозвучать.

За спиной меня негромко окликает Роман Гордеев. Сегодня он здесь как руководитель фонда, с которым мы запускаем стипендиальную программу для старшеклассников; знаем друг друга третий год, достаточно, чтобы он не полез с сочувствием при десятках гостей.

— Вера Сергеевна, через минуту ваше вручение. Перенести?

Я нахожу глазами Марину Викторовну, директора старшей школы. Та ждёт у сцены моего сигнала. На экране за ней — фотография Лизиного класса, дочь смеётся в самом центре, хотя в сентябре требовала удалить этот кадр: «У меня там лицо человека, которому сообщили про ЕГЭ».

— Пусть Марина вручит без меня, — решаю я. — И попросите ведущую не ждать.

Роман кивает и уходит выполнять просьбу, не оставаясь рядом из любопытства. Через несколько секунд Марина уже поднимается на сцену. Я сама строила эту школу так, чтобы она могла работать без меня. Никогда не думала, что буду благодарна за это на выпускном собственной дочери.

Лиза наконец отпускает женщину, что-то говорит ей и смеётся сквозь слёзы. Потом поправляет тонкий шарф на её плече — слишком легко, слишком по-домашнему для первой встречи. Я иду к ним и только тогда вижу лицо женщины как следует.

Светлые волосы вместо длинных тёмных, которые были на старой фотографии, возле глаз тонкие морщинки, но профиль я узнаю. Алина. Та самая девушка с выцветшего снимка из Кирилловой коробки: рядом стояли Кирилл и его двоюродный брат Антон. Биологическая мать Лизы. Женщина, которая восемнадцать лет назад подписала документы и исчезла, оставив нам ребёнка, которого Антон, по словам Кирилла, так и не успел официально признать своим.

Я видела Алину на фотографии перед удочерением. Тогда мне было не до неё: Лиза плохо набирала вес, путала день с ночью и успокаивалась только у меня на руках. Кирилл показывал на Антона и говорил: «Смотри, подбородок такой же». Я всматривалась в младенца и искала сходство с человеком, которого почти не знала.

Теперь Алина стоит передо мной сама. Она замечает меня, улыбка у неё сразу меняется, а за моей спиной уже подходит Кирилл.

— Лиза, — произносит он тихо. — Мы же договаривались.

Лиза оборачивается и перестаёт улыбаться. Я больше не пытаюсь придумать случайное объяснение: они о чём-то договаривались заранее, и меня в этом разговоре не было.

— Пап, я не специально. Я увидела её и… — дочь быстро оглядывается на зал, потом на меня. — Она сказала, что может не успеть.

Она говорит так, будто я пропустила начало разговора. Алина кладёт ладонь ей между лопаток, успокаивая, и Лиза даже не замечает этого жеста. Вот от этого я замираю. «Мама» ещё можно было бы списать на сорвавшееся слово; так спокойно принимать чужое прикосновение учатся не за минуту.

— Лиз, посмотри на меня, — прошу я. Она медлит. Обычно дочь выдерживает мой взгляд даже тогда, когда врёт про пропущенную пару; сейчас сначала поправляет съехавшую ленту и только потом поднимает глаза.

Лиза наконец заставляет себя ответить:

— Мам, пожалуйста, только не здесь. Я тебе всё объясню. Правда.

В зале смеются, ведущая поздравляет очередного выпускника, кто-то громко зовёт фотографа. Весь мир вокруг продолжает жить так, будто моя дочь не просит меня отложить объяснение того, почему только что назвала мамой женщину, которую я считала исчезнувшей из её жизни восемнадцать лет назад.

— Хорошо. Не здесь, — соглашаюсь я. Кирилл принимает это за уступку и тут же приближается.

Ему достаточно услышать согласие, чтобы снова начать распоряжаться разговором: — Вер, правильно. Сейчас у Лизы праздник, не надо устраивать…

Я не даю ему закончить. Кирилл уже говорит тем тоном, которым обычно переводит чужую панику в удобное для себя решение, и я сама отступаю на полшага, не позволяя ему оказаться рядом со мной. — Ты помолчишь минуту, — прошу я негромко. — Я сейчас не с тобой разговариваю.

Не хочу, чтобы Лиза потом помнила свой выпускной по тому, как родители орали друг на друга возле сцены. Кирилл это понимает и замолкает, хотя видно, как тяжело ему оставить разговор без собственного объяснения.

Лиза делает ко мне шаг и останавливается. Между нами меньше метра; раньше она преодолевала такое расстояние не думая.

— Мам, я могу сейчас пойти с тобой…

Она уже готова бросить класс, торт, общую фотографию — всё, чего ждала последний месяц, — только бы немедленно исправить случившееся. И как бы мне ни хотелось потребовать объяснений прямо сейчас, я не позволю её вине съесть этот вечер целиком.

— Через двадцать минут поднимись ко мне в кабинет. А сейчас иди фотографироваться. У тебя один выпускной, Лиз.

Она смотрит на меня ещё секунду, будто пытается понять, можно ли оставлять меня с ними.

— Но ты же… — начинает и сама обрывает фразу.

Я киваю в сторону одноклассников.

— Иди. Я подожду. Больше сейчас обещать не могу.

Лиза уходит, оборачиваясь почти на каждом шаге. По дороге подбирает ленту и разглаживает её ладонью. Я утром отпаривала эту чёртову ленту, потому что она пришла мятая из коробки, а Лиза стояла рядом с бутербродом и уверяла, что не голодна. Через минуту всё равно съела половину с моей тарелки.

Я цепляюсь за эту дурацкую утреннюю мелочь и жду, пока дочь отойдёт достаточно далеко. Потом поворачиваюсь к Кириллу. Алина остаётся рядом. Не пытается исчезнуть, не делает вид, что случайно заглянула поздравить Лизу. Значит, она тоже рассчитывала на разговор. Значит, сегодняшний вечер планировали как минимум трое людей, среди которых не было меня.

Смотрю на её лицо ещё раз. На Алину, которую знаю только с одной старой фотографии и нескольких строк в документах. На мужа, прожившего со мной двадцать два года. На дочь, которая в другом конце зала улыбается фотографу и всё равно продолжает искать меня глазами между чужих плеч.

— Кто это? — спрашиваю я Кирилла.

Он понимает, что имя мне известно. Несколько секунд смотрит вслед Лизе, будто проверяет, достаточно ли далеко она отошла, и только потом отвечает:

— Лизина мать.

— Это я знаю, — отвечаю я.

Кирилл моргает, будто ждал от меня другой реакции. Алина тоже смотрит настороженно. Конечно я знаю, кто родил Лизу: в документах на удочерение стояло имя Алины Соколовой, её подпись, согласие. Я знала даже дату её рождения. Не знала только, что спустя восемнадцать лет моя дочь встретит эту женщину так, словно между ними не было восемнадцати лет тишины.

— Я спрашиваю, что она здесь делает. И почему Лиза зовёт её мамой.

Кирилл смотрит в зал. Лиза как раз становится между двумя одноклассницами для общей фотографии и всё время косится в нашу сторону, пропуская команды фотографа. Тот машет ей рукой, и дочь с опозданием поворачивается к объективу. Мне хочется позвать её обратно, однако я сама велела прийти через двадцать минут. Не потащу Лизу сюда только потому, что сама едва выдерживаю ожидание.

— Пойдём наверх, — предлагает Кирилл тише. — Тут действительно не место.

Глава 2. Тогда кто её отец?

Он опять решает, где и когда мы будем обсуждать неприятное. Наверх я действительно хочу уйти, только позволять ему выдавать это за собственное решение больше не собираюсь.

— Почему, Кирилл? Потому что люди услышат или потому что при людях тебе сложнее будет рассказать мне удобную версию?

Он не отвечает. Алина переводит взгляд с него на меня, и по тому, как быстро у неё меняется выражение, я понимаю: она тоже ожидала другого разговора. Какого именно — слёз, скандала, заранее подготовленной вежливости — пока не знаю. Сейчас мне важнее другое: что Кирилл успел рассказать ей обо мне.

— Я не собиралась устраивать сцену, — первой говорит Алина. Голос у неё ниже, чем я представляла по старой фотографии. — Я вообще должна была прийти позже. Лиза сама…

Она обрывается после короткого взгляда Кирилла. Он почти незаметно качает головой, и мне этого хватает, чтобы перестать ждать добровольных объяснений. — Нет, продолжайте. Лиза сама что?

Алина уже открывает рот, но Кирилл опережает её. Говорит спокойно, тем самым тоном, которым на совете директоров умеет закрыть тему прежде, чем она станет спорной. — Вера, хватит здесь. Ты обещала Лизе поговорить через двадцать минут. Давай хотя бы ради неё не будем всё вытаскивать посреди зала.

Он прав только в одном: дочь продолжает оглядываться. Я не хочу, чтобы её выпускной превратился в публичное выяснение отношений, но это решение принимаю я. — В мой кабинет. Сейчас.

Мы выходим через боковую дверь за сценой. В коридоре прохладнее, однако выпускной остаётся рядом: через стену доносится музыка, ведущая объявляет следующий номер. По дороге я прохожу мимо стенда с фотографиями выпускников и вижу Лизу семилетней — два хвостика, огромный ранец, первый набор нашей школы. Потом были пятый класс, шпаргалка, из-за которой мы поссорились, ночной травмпункт после роликов. Всё это висит на стенах, пока рядом со мной идут люди, у которых, оказывается, была ещё одна версия истории моей дочери.

У кабинета Кирилл пытается задержать меня. — Вер, послушай. Я хотел сам тебе всё объяснить. Просто не сегодня и не вот так.

Я открываю дверь, но внутрь не захожу. — Ты уже восемнадцать лет выбираешь, когда мне можно что-то знать. Сегодня у тебя этот выбор закончился.

На слове «восемнадцать» он заметно напрягается, хотя я говорю пока только об Алине. Я отмечаю реакцию и захожу первой.

В кабинете ещё пахнет кофе, который секретарь принесла перед церемонией. На столе лежит раскрытая папка с речью для выпускников, сверху Лизина записка: «Мам, НЕ говори со сцены про мой первый класс. Я серьёзно». Я переворачиваю листок текстом вниз. Если ещё минуту буду смотреть на её почерк, вместо вопросов начну думать о том, как дочь оставила эту записку несколько часов назад и ни словом не обмолвилась об Алине.

Алина остаётся возле стола. Кирилл задерживается у двери, словно ещё надеется оборвать разговор в нужную ему секунду. Я не предлагаю им кофе и не сажусь в своё кресло — остаюсь напротив обоих, чтобы видеть, к кому они будут обращаться за помощью прежде, чем ответят мне.

— Ещё раз. Почему Лиза вас знает?

Алина сначала смотрит на Кирилла. — Потому что мы познакомились, — отвечает она осторожно.

Слово слишком аккуратное для того, как дочь бросилась к ней в зале. Я не спорю с формулировкой, просто сужаю вопрос. — Когда?

Кирилл вмешивается раньше, чем Алина успевает ответить. — Это отдельный разговор. Лиза сама должна тебе рассказать, как всё происходило.

Он опять ставит впереди дочь, чтобы мне пришлось выбирать между ответом и её спокойствием. Я слишком хорошо знаю этот приём: если речь идёт о Лизе, Кирилл уверен, что я отступлю первой.

— Лиза расскажет свою часть. А ты — свою. Почему женщина, отказавшаяся от ребёнка восемнадцать лет назад, внезапно появляется на её выпускном?

Алина впервые перебивает меня: — Я не внезапно появилась.

Впервые в её голосе слышится настоящее раздражение. Я смотрю внимательнее: ей важно, чтобы я понимала, что она уже занимает место в Лизиной жизни. Значит, вопрос надо задавать не о сегодняшнем вечере. — Хорошо. Тогда как давно вы появились?

Кирилл отходит от двери. До этого он ещё пытался изображать человека, который просто бережёт праздник; теперь терпение у него заканчивается. — Вера, не надо сейчас допрашивать Алину.

Я даже не поворачиваюсь к нему полностью. — Я спрашиваю её.

Алина переводит взгляд на Кирилла и оставляет вопрос без ответа. Несколько секунд мне хватает, чтобы понять: проблема не в самом вопросе. Она боится сказать то, чего, по Кирилловой версии, я ещё не должна знать.

— Что он вам сказал обо мне?

Кирилл тихо ругается, а Алина наконец поворачивается к нему. — Ты сказал, что поговоришь с ней до выпускного.

Несколько секунд я ещё надеюсь, что неправильно поняла. Кирилл отвечает Алине не сразу, будто выбирает формулировку, которую сумеет потом защитить. — Я собирался. Не успел.

Последнее слово цепляет меня сильнее всего. Для разговора, который должен был состояться заранее, «не успел» звучит слишком удобно. — Не успел?

После моего вопроса он сразу меняет формулировку: — Не нашёл нормального момента.

Я двадцать два года знаю, как он меняет слова, когда первое звучит слишком плохо. «Не успел» ещё можно списать на обстоятельства. «Не нашёл момента» означает, что момент он искал и каждый раз решал промолчать.

Я снова трогаю Лизину записку, переворачиваю её и только потом замечаю, что текст и так был снизу. Оставляю бумагу в покое. — Давайте сначала. Я знаю, что Алина Соколова родила Лизу. Я знаю, что отцом был Антон. Он погиб до рождения ребёнка и не успел оформить отцовство. Вы не хотели оставлять дочь, подписали согласие и уехали. Мы с Кириллом её удочерили. Что из этого изменилось?

Кирилл молчит. Алина сначала смотрит на меня, потом на него, и уверенность у неё окончательно пропадает.

— Подожди, — обращается она к Кириллу. — Ты сказал ей про Антона?

Он отвечает сразу, слишком резко: — Алин, не сейчас.

Она впервые за весь вечер не слушается его. — Ты сказал Вере, что Лиза — дочь Антона?

Они опять начинают выяснять между собой, что именно мне было сказано, будто меня в комнате нет. Я обрываю их прежде, чем Кирилл успевает снова взять разговор на себя. — Что значит «сказал»? Антон был вашим мужчиной. Он погиб. Вы остались одна и отказались от ребёнка. Именно это я знаю восемнадцать лет. Что здесь не так?

Алина смотрит на меня долго. Ещё минуту назад её раздражала моя резкость, теперь она, кажется, вообще забыла об этом. Ей страшно другое — сколько именно Кирилл успел скрыть от меня.

— Вера… — начинает она и замолкает.

Кирилл сразу подаётся к ней. — Алина, хватит.

Теперь уже я не даю ему продолжить и обращаюсь к ней раньше, чем он успевает придумать ещё одну причину отложить ответ. — Если Антон не отец, тогда кто?

Алина больше не ищет у Кирилла разрешения. Смотрит прямо на меня и говорит тихо, почти без интонации:

— Вера… Кирилл — её отец.

Глава 3. Твоя дочь

— Вера… Кирилл — её отец.

За стеной включают музыку громче, и низкие басы отдаются в дверце шкафа. Я смотрю на Кирилла и почему-то замечаю белую ленточку с эмблемой выпускного на его пиджаке. Утром Лиза сама прикалывала её ему на лацкан, смеялась, что отец пришёл «как на совет директоров», а я фотографировала их обоих. Кирилл стоял перед зеркалом, терпеливо ждал, пока дочь справится с булавкой, и всё это время знал, чья она дочь.

— Скажи, что она ошиблась, — произношу я и сама слышу, насколько спокойно это звучит. Кирилл цепляется за мой тон мгновенно: пододвигает кресло, будто сейчас сядет рядом и мы каким-то образом обсудим всё как очередную семейную проблему.

Я остаюсь у стола, и он бросает кресло на полпути. — Вер, я должен был рассказать раньше. Я знаю. Просто…

Я поднимаю ладонь. Его «просто» сейчас опаснее крика: после него обязательно появится причина, почему восемнадцать лет лжи были почти неизбежны. Поэтому я поворачиваюсь к Алине раньше, чем Кирилл успевает начать.

— Вы уверены? В отцовстве?

Она задерживает ответ. Кирилл уже собирается вмешаться, но Алина тихо просит его не надо и садится на край кресла. Шарф, который Лиза поправляла ей внизу, съехал с плеча; Алина снимает его совсем и несколько секунд мнёт ткань между пальцами.

— Да. Уверена. Кирилл знал с самого начала.

В памяти сразу возникает утро, которое я много лет считала началом нашей семьи. Кирилл тогда приехал домой раньше меня и ждал на кухне с конвертом из клиники. Я решила, что пришли результаты моего очередного обследования, и минут пять не снимала пальто, потому что боялась открыть. Потом он заговорил про Антона: авария, девушка беременна, ребёнок родился, мать отказывается. Кирилл говорил торопливо, сбивчиво, а я услышала только одно: девочке нужен дом.

Через неделю я впервые держала Лизу. Она весила чуть больше трёх килограммов, умещалась у меня от локтя до ладони и пахла смесью и больничным мылом. Я боялась поправить ей шапочку. Кирилл рассмеялся: «Ты её не разобьёшь», — забрал малышку легко, уверенно, прижал к себе и сказал, что в их семье все дети сначала похожи на сердитых стариков. Тогда его уверенность успокаивала меня. Сегодня я впервые знаю, откуда она взялась.

— Антон вообще знал о беременности? — спрашиваю я, заставляя себя вернуться к людям напротив. Кирилл проводит пальцем по краю телефона и отвечает после паузы, что они общались, а что именно Алина рассказывала Антону, он понятия не имеет.

Алина резко поворачивается к нему. По её лицу вижу: он опять выбирает слова уже после того, как вопрос прозвучал. — Не надо, Кирилл. Антон про ребёнка ничего не знал. Мы несколько раз виделись в общей компании, всё. Ты сам предложил его имя, потому что он погиб и уже не мог…

Она обрывает фразу. За дверью раздаётся взрыв аплодисментов, ведущая объявляет об общей фотографии выпускников. Я смотрю на часы. С того момента, как Лиза убежала к Алине, прошло всего несколько минут, хотя мне кажется, что я сижу в этом кабинете уже полдня.

— Уже не мог спросить, с чего вдруг у него появилась дочь, — договариваю я и смотрю на мужа. Кирилл морщится, словно я нарочно выбираю самую грязную версию того, что он сделал.

— Вера, мы были моложе. Я испугался. Алина ребёнка оставлять не собиралась. Если бы я пришёл к тебе и сразу сказал правду, я понятия не имел, что ты сделаешь.

Он произносит это осторожно, будто до сих пор считает мой тогдашний выбор главным риском. Четыре года брака. Две замершие беременности. К тому времени я перестала заходить в магазины с детскими вещами и научилась улыбаться на крестинах друзей так, чтобы никто не спрашивал, почему я вышла в туалет. Кирилл видел всё это. И однажды принёс мне своего ребёнка.

— Ты боялся, что я не возьму Лизу? — спрашиваю я после паузы. — Или что я не оставлю тебя?

Он отвечает не сразу. Музыка за стеной заканчивается, в коридоре начинают двигать стулья, кто-то смеётся совсем близко от двери. Я жду, потому что впервые за много лет мне важно услышать его без подготовленной версии.

— Обоих потерять боялся, — наконец признаётся Кирилл. — Вер, я поступил паршиво. Я знаю. Но потом появилась Лиза. Ты её полюбила, она тебя. И каждый год сказать становилось всё сложнее.

Я открываю бутылку воды, делаю глоток и тут же ставлю её обратно. Вода нагрелась, пластик отдаёт во рту горечью. В первые месяцы с Лизой я тоже постоянно забывала поесть и пила на кухне между кормлениями. Кирилл вставал по ночам, грел смесь, ходил по спальне с ребёнком, пока я пыталась поспать хотя бы двадцать минут. Я считала ту усталость нашей общей, а он тогда укачивал собственную дочь.

— Ты хоть раз собирался мне сказать? Конкретно. Я хочу понять, был ли хотя бы один день, когда ты решил: сегодня скажу.

Кирилл раздражённо выдыхает и садится. — Чего ты хочешь сейчас, Вера? Дату? У меня нет даты. Я думал. Потом у неё зубы, садик, школа, твоя первая лицензия, переезд… Всегда что-то происходило. А потом прошло столько лет, что я уже не понимал, ради чего ломать вам обеим жизнь.

Я вспоминаю Лизу в девять месяцев с температурой под сорок. Кирилл был в командировке. Я сидела с ней на полу ванной, слушала врача по телефону и боялась отойти за полотенцем. Утром он приехал, обнял меня на кухне и сказал: «Ты у неё настоящая мама, Вер». Тогда я расплакалась от облегчения. Сегодня вспоминаю эту фразу и больше не слышу в ней того, что слышала тогда.

Я поворачиваюсь к Алине. — Вы знали, кому отдаёте дочь?

Вопрос заставляет её выпрямиться. Она несколько секунд смотрит на меня, потом перестаёт искать глазами Кирилла. — Знала.

Я жду, и Алина всё-таки продолжает. — Кирилл рассказывал про вас, показывал фотографии. Я знала, что вы хотите ребёнка. Знала, что согласились взять Лизу. Тогда для меня главное было, чтобы она не попала неизвестно куда. Я собиралась уезжать. Матерью я быть не хотела. И сейчас придумывать красивую версию не стану.

Я вспоминаю проверки опеки, папки с документами, страх перед каждым звонком. Спрашивала Кирилла, может ли биологическая мать передумать. Он уверял, что Алина приняла решение окончательно. Ещё до моего согласия они успели обсудить меня между собой: подхожу ли я для этой роли, справлюсь ли, насколько сильно хочу ребёнка.

— И вы знали, что я понятия не имею, чей ребёнок беру в семью? — спрашиваю я. — Вас это устраивало?

Алина резко втягивает воздух и сжимает шарф на коленях. — Меня тогда многое устраивало, чем я сейчас не горжусь. Решение скрыть от вас отцовство предложил Кирилл. Я согласилась. Да. Только не надо делать вид, будто я пришла к вам домой и…

Кирилл вскакивает, кресло ударяется о стену. — Хватит. Ты сейчас всё свалишь на меня?

Он впервые повышает голос, и разговор окончательно перестаёт идти так, как ему удобно. Я смотрю на Алину и не позволяю ему закрыть тему.

— Пусть договорит. Я оформляла твою родную дочь как ребёнка погибшего Антона, Кирилл. Боялась, что нам её не оставят. Благодарила тебя за то, что ты вообще рассказал мне о ней.

Кирилл пытается подойти ближе, но я обхожу стол с другой стороны. — Вер, я не отдавал тебе Лизу как вещь. Я хотел, чтобы она жила с нами. Я любил тебя. Я и сейчас…

— Про сейчас мне ничего не говори. — Я отступаю к своему креслу и закрываю папку с речью, чтобы больше не видеть Лизину записку сверху. За дверью уже слышны голоса выпускников; дочь скоро поднимется, как обещала.

До её прихода мне нужен ещё один ответ, поэтому я не даю Кириллу снова начать объяснять прошлое. — Лиза думает, что Антон её отец?

Кирилл смотрит в окно на школьный двор. Алина медленно поворачивается к нему, и этой задержки мне хватает, чтобы перестать надеяться на простой ответ.

— Кирилл, я спрашиваю про Лизу. Что она знает?

Он несколько секунд молчит, будто всё ещё ищет способ сказать меньше. Потом смотрит на меня и произносит глухо:

— Лиза уже знает.

Глава 4. Полгода

— Лиза уже знает.

Я успеваю только посмотреть на часы. Двадцать минут почти прошли. За дверью раздаются быстрые шаги, Лиза стучит два раза и заглядывает внутрь. Щёки у неё разрумянились после общей фотографии, лента сползла на локоть, в руке телефон и букет. Увидев нас троих, дочь перестаёт улыбаться.

— Мам, я пришла. Ты… — Она переводит взгляд на отца, потом на Алину и сразу понимает, что разговор ушёл дальше, чем ей хотелось. — Пап?

Кирилл делает движение к ней, и я замечаю, как внимательно Лиза следит за его лицом, прежде чем снова посмотреть на меня. Они уже знают, какие темы должны были остаться за закрытой дверью.

— Заходи, Лиз. И дверь закрой.

Она ставит букет на тумбу. Несколько белых лепестков падают на пол, Лиза наклоняется подобрать их, потом бросает и выпрямляется. Алина встаёт с кресла сама.

— Я выйду. Вам надо поговорить.

Кирилл поворачивается к ней. — Алин, подожди внизу. Я потом…

— Я сама решу, где подождать. — Она отвечает ему впервые без оглядки и уже у двери обращается к Лизе: — Я буду в коридоре. Если захочешь.

Лиза кивает. Мне хватает этого короткого кивка: обе знают, что после разговора Лиза может выйти к Алине.

Когда дверь закрывается, я сажусь. Лиза остаётся у тумбы, Кирилл встаёт сбоку от неё. Я почти прошу его отойти, потом решаю посмотреть, сколько раз дочь сама будет искать у него помощь.

— Ты знаешь, что Кирилл твой биологический отец? — спрашиваю я. Лиза вздрагивает от имени: я редко называю её отца так, когда говорю с ней, и она это замечает.

Она убирает телефон в карман платья и отвечает тихо: — Да. Знаю.

Кирилл сразу пытается смягчить удар. — Вер, я сам ей рассказал. Она ничего не выясняла за твоей спиной.

Я смотрю только на дочь. Она ждёт, что я начну спорить с ним. Значит, они уже представляли этот разговор и, возможно, обсуждали мою реакцию.

— Когда? — спрашиваю я и подвигаю к Лизе бутылку, заметив, как она облизывает губы. Дочь подходит, пьёт прямо из горлышка, как дома, и на несколько секунд всё становится привычным до боли: я даю ей воду, она забывает сказать спасибо, Кирилл стоит рядом.

— После моего дня рождения. Через несколько дней. Папа приехал за мной после курсов, мы сидели в машине. Он сказал, что должен рассказать, потому что я теперь взрослая.

Шесть месяцев назад. Я помню тот вечер. Лиза вернулась позже обычного и почти не разговаривала за ужином. Я решила, что снова поссорилась с Даней, и не полезла. Перед сном она пришла ко мне за зарядкой, долго стояла в дверях, потом сказала: «Да ничего, мам, устала». Я поверила.

— И пришла домой. Посмотрела мне в лицо и промолчала.

Она сразу вскидывается. — Я хотела сказать! Мам, я вообще после его слов ничего не понимала. Он фотографию показал, объяснил про Алину, про себя, про Антона… Я думала, ты знаешь хотя бы часть. Потом оказалось, что нет.

Кирилл вмешивается, потому что Лиза начинает говорить слишком быстро. — Я попросил её не валить всё на тебя в тот же вечер. Ты тогда готовила открытие кампуса, у тебя давление скакало. Мы собирались подобрать момент.

Полгода назад давление у меня поднялось один раз после двух бессонных ночей. Кирилл теперь использует тот вечер как оправдание. Я уже собираюсь ответить, но Лиза неожиданно перебивает его сама.

— Пап, не надо. Ты сказал больше.

Кирилл замолкает. Дочь впервые за разговор отходит от него и садится напротив меня. Бутылку она держит обеими руками, сдирая ногтем край этикетки.

— Ты сказал, что мама может решить, будто я хочу её заменить. Что она испугается. И что мне сначала самой надо понять, хочу ли я вообще видеть Алину.

Я смотрю на Кирилла. Он не отрицает, только отвечает дочери уже осторожнее: — Потому что я знал, сколько для Веры это значит…

— Не говори сейчас за меня, — останавливаю его. — Ты уже достаточно наговорил за восемнадцать лет.

Лиза сжимает бутылку, пластик тихо хрустит. Ей больно слышать, как я разговариваю с отцом, и я заставляю себя не требовать от неё выбора. Она всё ещё любит его. Моя боль этого не отменяет.

— Что было потом? Ты захотела увидеть Алину?

Лиза кивает. — Не сразу. Неделю смотрела её фотографии. Папа дал страницу, где она работает, старые снимки… Я хотела понять, похожа ли на неё. Потом мы начали переписываться.

Полгода я видела Лизу с телефоном за ужином, спрашивала, кто пишет поздно ночью. Она иногда улыбалась экрану и отвечала: «Да девочки». Теперь я вспоминаю эти вечера один за другим и уже не знаю, в какой момент на экране была Алина.

— Она написала первой? — уточняю я, пока Кирилл молчит у окна.

— Папа дал ей мой номер, когда я разрешила. — Лиза торопится добавить: — Правда разрешила. Сначала Алина написала одно сообщение. Я два дня не отвечала.

Я замечаю, что Кирилл делает шаг от окна, будто собирается подтвердить. Не даю ему вставить ещё одну удобную справку и спрашиваю дочь, когда они увиделись впервые.

Лиза глубоко вдыхает. — В январе. В кафе возле моего английского. На сорок минут собирались. Просидели часа три.

Я помню тот день. Лиза написала в семь: «Задержусь, препод перенёс разговорный клуб». Я ответила: «Ешь хоть что-нибудь». Она прислала фотографию круассана, и я поставила сердечко.

— Круассан был оттуда? — спрашиваю я, уже зная ответ по тому, как дочь перестаёт царапать этикетку.

— Да. — Лиза смотрит на меня и сразу опускает глаза.

Я не начинаю перечислять её ложь одну за другой. Если сейчас прижать её каждой датой, дальше она скажет только то, что безопасно. Мне нужно услышать всё.

Лиза продолжает сама. Они встречались ещё. Сначала редко, иногда на час после занятий. Один раз Алина приехала на выставку, куда я не смогла вырваться из-за совета директоров. Кирилл пару раз сидел вместе с ними в кафе. Весной они втроём ездили на день в соседний город — Лиза сказала мне, что едет с одноклассницами перед экзаменами.

— Я звонила тебе тогда. Ты сказала, автобус задержался.

— Я знаю. — Лиза смотрит в стол. — Мам, я знаю, как это звучит.

Она привезла мне из той поездки пряник. Я оставила половину ей на утро, потому что она вернулась поздно. В тот день дочь выбирала подарок мне рядом с двумя людьми, которые знали о её происхождении больше меня.

Я встаю и приоткрываю окно. С улицы сразу доносится музыка, выпускники кричат кому-то во дворе, прохладный воздух пахнет мокрой травой после полива. Несколько секунд стою у окна, чтобы следующий вопрос не превратился в обвинение.

— Почему ты продолжала молчать? После первой встречи я ещё понимаю. Прошло полгода, Лиз.

Кирилл собирается заговорить, и дочь резко просит его дать ей договорить самой. Я возвращаюсь к столу и сажусь, не вмешиваясь.

— Каждый раз становилось хуже, — говорит Лиза. — Сначала думала, встречусь один раз и всё. Потом захотела ещё. Мне с ней было интересно. Она показывала фотографии, рассказывала, какая была в моём возрасте. Я узнала, почему у меня волосы так завиваются от влажности, почему я терпеть не могу кинзу. Дурацкие вещи, мам. Но я всю жизнь смотрела на тебя с папой и пыталась понять, на кого похожа. А тут человек смеётся почти как я.

Она наконец поднимает глаза. Защищаться от меня она уже перестала.

— Я боялась сказать тебе после того, как мне стало с ней хорошо. Папа всё время говорил: сначала разберись сама. Не делай маме больно, пока даже не знаешь, будет ли Алина тебе нужна. А потом она уже была мне нужна. Я подумала, что ты услышишь только это.

Я представляю эти вечера: Лиза возвращалась после встречи, я спрашивала про курсы или экзамены, а отец снова мог убедить её отложить признание ещё на день.

— Ты называла её мамой раньше? — спрашиваю я, когда Лиза снова начинает сдирать этикетку.

Она краснеет и стискивает бутылку. — Пару раз. Первый раз случайно. Она расплакалась. Потом я долго так не говорила. Сегодня само вылетело.

Мне хочется спросить, плакала ли Лиза когда-нибудь так из-за меня, но я удерживаю вопрос. Он ударит по ней и ничего мне не вернёт.

В коридоре слышится голос Алины. Лиза невольно поворачивает голову на звук и тут же смотрит на меня снова.

— Она знала, что я ничего не знаю? — спрашиваю я уже тише.

Лиза медлит. — Да. Папа говорил, что сначала сам с тобой поговорит.

Кирилл отходит от окна. — И я собирался. Сегодня всё пошло…

— Сегодня вы просто не успели, — перебиваю я. Лиза сжимается, и я уже спокойнее добавляю: — Я должна была узнать позже. Вот и всё.

Дочь ставит бутылку на стол. На этикетке осталась содранная белая полоса. Она долго смотрит на неё, потом говорит совсем тихо: — Мам, Алина сегодня вообще могла не приходить.

Я не перебиваю. По её тону слышно, что остался ещё один кусок, который она до сих пор не решалась назвать.

Лиза поднимает на меня глаза и наконец произносит:

— Это я её позвала.

Глава 5. Вы втроём

— Это я её позвала.

Лиза произносит это и перестаёт мять бутылку. Ставит её на край стола, вытирает ладонь о платье и сразу прячет руку в складках юбки, будто сама сердится на этот жест. Я смотрю на дочь и вспоминаю, как ещё час назад она пыталась убедить меня, что выпускной — обычный вечер и я зря проверяю, взяла ли она запасные балетки. Теперь у неё за дверью ждёт женщина, которую Лиза сама пригласила на этот вечер вместо того, чтобы хотя бы предупредить меня.

— Почему сегодня? — спрашиваю я. Не потому, что дата что-то исправит. Мне нужно понять, где именно в последних шести месяцах дочь перестала считать меня человеком, которому можно сказать правду.

Лиза сначала оглядывается на отца. Кирилл тут же подаётся вперёд, но она успевает заметить это и качает головой. — Пап, я сама. Мам… у нас с Алиной был разговор. Она не собиралась приходить, правда. Сказала, что это твой день тоже и что ей здесь может быть… лишнее. А я разозлилась. Получилось, что все опять решают, что тебе можно знать, что нельзя, кого мне можно видеть. Я сказала: если она хочет приехать, пусть приезжает. Только я думала, папа поговорит с тобой раньше.

Последние слова она произносит уже тише. Кирилл отворачивается к окну. Лиза сама позвала Алину и сама полгода молчала; сколько бы Кирилл ни подталкивал её, эту часть мне тоже придётся пережить.

— Позови её, — решаю я.

Лиза явно ожидала другого. — Сейчас?

Я киваю на дверь. — Если мы собираемся обсуждать женщину, которая стоит в коридоре, пусть она хотя бы будет в комнате. Я больше не хочу узнавать, что обо мне решили без меня.

Кирилл произносит моё имя тем тоном, которым всегда просил не горячиться перед сложными переговорами. Я всё равно открываю дверь сама. Алина ждёт у окна в конце коридора и возвращается без вопросов.

Лиза садится между мной и Алиной, на единственное свободное кресло. Кирилл остаётся за её спиной, и я прошу его отойти: мне не нравится, что дочь всё время вынуждена оглядываться на него.

— Давайте хотя бы сейчас попробуем вести себя по-взрослому, — говорит Кирилл, когда Алина садится. — Лиза совершеннолетняя. У неё есть право знать свою историю и общаться с биологической матерью. Что уже произошло, назад не отменишь. Нам надо думать, как жить дальше, а не устраивать суд за каждое решение восемнадцатилетней давности.

Пока он говорит, Лиза перестаёт смотреть на меня. Похоже, эту версию она уже слышала. Я цепляюсь за то, что Кирилл прячет за правильными словами.

— Ты мне сейчас объясняешь права Лизы или почему полгода врал мне вместе с ней?

Кирилл раздражённо трёт переносицу и тут же убирает руку, заметив, что Лиза следит за ним. — Никто не врал «вместе». Я попросил дать ей время. И тебе тоже. Если бы мы вывалили всё в ноябре, ты бы сейчас сказала, что мы сделали это перед открытием кампуса. В январе — перед набором. В марте — перед экзаменами Лизы. Идеального момента всё равно бы не было.

Он опять перечисляет мою жизнь так, будто она мешала ему сказать правду. Я возвращаю разговор к Лизе.

— Я не запрещаю Лизе знать Алину. И не собираюсь. — Говорю это дочери, потому что последние полгода именно этого она боялась. — Но мне понадобится время, чтобы привыкнуть к тому, что вы уже успели построить отношения, о которых я не знала.

Лиза наконец смотрит на меня прямо. В её лице на секунду появляется облегчение, и мне становится ещё тяжелее: настолько сильно она ждала запрета. — Я не хотела выбирать, мам. Честно. Мне казалось, если я скажу, ты сразу решишь, что я… ну, что она мне важнее.

— Не решу. — Я отвечаю слишком быстро и сама останавливаюсь. Уверенно могу обещать только одно. — Я не заставлю тебя прекращать с ней общаться. Остальное давай не будем сегодня обещать друг другу за пять минут.

Алина до этого почти не вмешивалась. Теперь подаётся вперёд, но начинает не сразу. — Вера, я понимаю, что у меня сейчас нет права просить вас относиться ко мне спокойно. Я и не рассчитывала… господи, это звучит ужасно. Я просто хотела познакомиться с вами нормально. Не вот так, в зале. Лиза много про вас рассказывала.

Я не успеваю удержаться. — Вы уже знакомились со мной заочно через моего ребёнка?

Лиза вздрагивает, и я сразу жалею о форме. Алина тоже слышит укол, но отвечает спокойнее: дочь рассказывала о школе, обо мне, о доме, о наших поездках. Я представляю, как Лиза по кусочкам приносила ей нашу жизнь.

— Я ей показывала фотографии из Италии, — торопливо объясняет Лиза. — Только семейные, мам. Там ничего такого. И старые из школы. Она хотела увидеть, какая я была маленькая.

Алина улыбается ей почти автоматически. — Ты ещё возмущалась из-за красной куртки в третьем классе.

— Мама купила её на вырост. Я в ней утонула, — Лиза фыркает и на секунду забывает, где мы сидим. Я напоминаю, что вторую она отказалась мерить из-за мультика.

Кирилл тут же вспоминает магазин в Твери, где Лиза этой весной так же упёрлась из-за пальто. Дочь стонет: «Пап, только не это», Алина смеётся, и все трое понимают шутку без объяснений. Я замолкаю. Красная куртка была нашим с Лизой прошлым; про Тверь у них уже есть своё, куда меня никогда не приглашали.

Кирилл пользуется тем, что напряжение чуть ослабло. — Вот об этом я и говорю. Никто не собирается отнимать у тебя Лизу. Она любит тебя. Для тебя с ней ничего не должно измениться только потому, что теперь в её жизни появилась Алина.

Он произносит это почти буднично, словно для всех уже найдено разумное решение. Я должна только догнать остальных и привыкнуть.

— Ты правда думаешь, что после сегодняшнего вечера можешь сказать мне, что ничего не изменится?

Кирилл уже открывает рот, но Лиза быстро вмешивается. — Мам, он не так… Я тоже не хочу, чтобы ты думала, что теперь всё будет по-другому. Я же домой прихожу к тебе. Тебе первой звоню, когда что-то случается. Даже сегодня я всё время тебя искала в зале.

Она говорит всё быстрее. Я вспоминаю, как перед сценой она искала меня глазами и сунула телефон со словами: «У тебя карманы нормальные». Всё это было сегодня. И всё это теперь соседствует с январским кафе, весенней поездкой и полугодом переписки.

Лиза тянется к моей руке на столе, потом останавливается в нескольких сантиметрах. — Для тебя ведь ничего не изменится, мам. Ты всё равно моя мама.

Я слышу в её словах Кирилла настолько отчётливо, что несколько секунд не могу ответить. «Для тебя с ней ничего не должно измениться». «Для тебя ведь ничего не изменится». Возможно, они не репетировали эту фразу. Хуже, если Лиза за полгода просто привыкла думать так же: Алину можно добавить в её жизнь, а моя любовь выдержит всё и останется там, где её оставили.

Я сама накрываю её ладонь своей. Лиза сразу сжимает мои пальцы. — Я твоя мама, — говорю я тихо. — Но не проси меня сейчас сделать вид, что мне всё равно, как именно я узнала о вашей второй жизни. Мне надо хотя бы перестать находить в каждом январе и марте место, где ты мне соврала.

Лиза опускает глаза. Вместо очередного оправдания остаётся рядом и не забирает руку. Для меня сейчас этого достаточно.

Снизу раздаётся объявление о финальном запуске шаров во дворе. Лиза смотрит на часы. Я вижу, как она опять разрывается между желанием уйти к одноклассникам и страхом оставить нас втроём.

— Иди, — говорю первой. — Я спущусь через пару минут.

Она не двигается. — А вы?

— Мы тоже закончим. Ты сегодня выпускница. Иди к классу.

Кирилл ничего не говорит. Лиза всё-таки встаёт. У двери оборачивается к Алине и спрашивает, пойдёт ли та во двор. Алина отвечает, что подождёт здесь, если так будет проще. Дочь кивает и уходит одна.

Когда дверь закрывается, Кирилл предлагает всем разъехаться и вернуться к разговору завтра. Он снова начинает распределять, кому куда идти, и я впервые за вечер просто отказываюсь следовать его плану.

Я забираю со стола телефон и ключи. — Я пойду к дочери. А завтра ты мне расскажешь всё, что сегодня не успел.

Мы спускаемся во двор. Лиза уже стоит с классом со связкой бело-синих шаров и, увидев меня, сразу машет. Кирилл остаётся справа, Алина — почти у ворот. Пока дети считают до десяти, Лиза несколько раз смотрит то на неё, то на нас. Даже финальная фотография теперь заставляет её решать, к кому подойти после.

Когда всё заканчивается и дети начинают расходиться, Лиза зовёт меня к машине. Я уже делаю шаг, но слышу Алину за спиной.

— Кирилл, поехали ко мне, — говорит она устало, будто предлагает самое обычное завершение слишком длинного дня. — Здесь уже правда хватит.

Кирилл резко поворачивается к ней. Лиза тоже слышит и останавливается возле открытой двери машины.

Я смотрю сначала на Алину, потом на мужа.

— Почему к тебе?

Глава 6. Ты снова с ней

— Почему к тебе?

Вопрос вырывается раньше, чем я успеваю решить, хочу ли услышать ответ здесь, посреди школьного двора. Вокруг всё ещё стоят родители, кто-то фотографируется у баннера, выпускники таскают друг у друга шарики и цветы. Лиза застыла возле нашей машины, одной рукой держит дверцу и смотрит на отца так, будто ждёт самого простого объяснения.

Алина первой понимает, что сказала лишнее. Она переводит взгляд на Кирилла, потом на Лизу и уже совсем другим тоном добавляет: — Я имела в виду… Кириллу сейчас лучше не ехать с вами. Вы все на нервах. У меня можно спокойно поговорить.

Объяснение могло бы сработать, если бы Кирилл не выглядел так, будто хочет остановить её ещё до последней фразы. Он подходит ближе и говорит мне вполголоса, чтобы не слышали стоящие рядом родители: — Вер, давай не здесь. Лиза и так получила на сегодня достаточно.

Лиза захлопывает дверь машины. — Пап, а почему ты должен ехать к Алине?

Он сразу поворачивается к ней. Вчера я бы не заметила ничего особенного в том, как Кирилл выдерживает короткую паузу перед ответом. Сегодня уже знаю: именно в такие паузы он выбирает, какую часть правды оставить себе.

— Потому что нам с ней тоже надо поговорить, — наконец отвечает он. — После всего, что случилось.

Я смотрю на Алину. Она не подтверждает его версию и не спорит. Просто стоит, прижимая к боку сумку, и явно жалеет, что вообще произнесла эту фразу. Значит, вопрос не в сегодняшнем разговоре.

— Ты часто к ней ездишь? — спрашиваю я Кирилла.

Он раздражённо выдыхает. — Вера, серьёзно? Сейчас будешь устраивать допрос у школы?

Я замечаю, как Лиза переставляет букет из руки в руку и смотрит на Алину. Ей тоже нужен ответ. Если сейчас уехать, Кирилл снова сам решит, кто и когда что узнает.

— Тогда внутрь, — говорю я. — Пять минут. И мы уедем.

Кирилл явно хочет возразить, но рядом проходит Марина Викторовна с двумя родителями. Я поздравляю их, улыбаюсь достаточно нормально, чтобы никто не остановился, и возвращаюсь в школу первой. Лиза идёт за мной. По её шагам слышу, что она тоже не собирается отпускать тему.

Мы заходим в почти пустую учительскую. На длинном столе остались пластиковые стаканы и недоеденный торт, из открытого окна тянет прохладой. Лиза садится ближе ко мне и, кажется, сама этого не замечает.

Кирилл остаётся стоять. — Я не понимаю, что ты хочешь сейчас доказать. Да, мы с Алиной общаемся. Это было неизбежно после того, как Лиза захотела её узнать.

Он говорит «мы» и тут же уточняет, что имеет в виду общение вокруг дочери. Слишком поздно. Я слышу слово именно так, как он его произнёс сначала.

— Лиза познакомилась с Алиной полгода назад, — напоминаю я. — А ты когда?

Алина резко смотрит на Кирилла. Он отвечает мне уже жёстче: — Я знал её восемнадцать лет назад. Ты это прекрасно понимаешь.

— Когда вы снова начали общаться?

Лиза опускает букет на стол. Шуршит упаковка, несколько капель с мокрых стеблей остаются на клеёнке. Она не вмешивается, но теперь следит за отцом так же внимательно, как я.

Кирилл подходит к окну и закрывает одну створку, потому что со двора доносится музыка. Я вижу, что ему нужно занять эти несколько секунд. — Мы пересеклись какое-то время назад. По делу. Потом иногда общались. Это никак не связано с Лизой.

Последнюю фразу он произносит зря. После неё мне ещё сильнее хочется услышать точный срок.

— Насколько «какое-то время»?

Кирилл поворачивается ко мне. — Вера, ты сейчас специально цепляешься за формулировки.

Алина до этого молчала, но вдруг садится напротив Лизы. Она выглядит усталой, злой и, кажется, впервые за весь вечер злится уже на Кирилла. — Скажи ей сам. Всё равно теперь придётся.

Лиза резко смотрит на него. — Что сказать?

Кирилл резко отвечает Алине, что она могла бы не вмешиваться, и именно этой резкостью пугает дочь сильнее любого признания. Лиза отодвигает букет, чтобы видеть отца целиком. Я не тороплю его. В кабинете становится слышно, как в коридоре уборщица складывает стулья один на другой.

— Пап, что происходит? — спрашивает Лиза после паузы. Голос у неё уже не похож на тот, которым она полчаса назад просила меня не запрещать ей Алину. — Ты с ней просто общался или что?

Кирилл смотрит на дочь, потом на меня. — Мы были близки раньше. Ты это знаешь. Когда люди снова встречаются спустя столько лет, иногда всё… усложняется.

Слово «усложняется» звучит так осторожно, что я больше не хочу слышать пересказ. Мне нужен прямой ответ.

— Ты спишь с ней? — спрашиваю я.

Лиза смотрит на меня так, будто я сказала это слишком громко. Кирилл тоже цепляется за форму вопроса, словно именно я сделала разговор грязным при дочери. Я не смягчаю фразу за него.

— Вера, — начинает он тихо, — не надо так.

Алина больше не смотрит ни на него, ни на меня. Этого ответа без слов мне хватает, но я всё равно жду Кирилла.

— Да, — говорит он наконец. — У нас были отношения.

Лиза остаётся неподвижной. Потом медленно переводит взгляд на Алину. — Сейчас?

Алина отвечает не сразу. — Да.

Дочь смотрит на неё ещё секунду и резко встаёт. Стул скребёт по полу. Я тоже поднимаюсь, потому что Лиза будто собирается выйти, но она только отходит к подоконнику и упирается ладонями в край.

— То есть я сидела с вами в кафе… — начинает она и замолкает. — В Твери вы оба были со мной. Папа, ты сказал, что приехал, потому что не хочешь, чтобы мне было неловко одной.

Я вспоминаю их общие шутки в кабинете и понимаю, что Лиза сейчас делает то же самое: перебирает знакомые ей встречи заново. В Твери она считала себя причиной, по которой отец приехал. Теперь этот день выглядит совсем иначе.

Кирилл подходит к дочери, но Лиза сразу просит его не трогать её. Он останавливается. — Я не использовал тебя как прикрытие, Лиз. В Тверь я действительно поехал из-за тебя. Мы с Алиной тогда вообще почти не оставались вдвоём.

Лиза коротко смеётся, и в этом звуке нет ничего весёлого. — «Почти»? Пап, ты сейчас серьёзно выбираешь это слово?

Я позволяю Лизе спрашивать самой. Только когда Кирилл начинает объяснять ей, что отношения взрослых никак не касаются её связи с Алиной, вмешиваюсь.

— Не смешивай это опять. Она не спрашивает, имеет ли право видеть Алину. Она спрашивает, почему ты позволил ей думать, что ваши встречи втроём были только ради неё.

Кирилл раздражённо отвечает, что никто ничего не «позволял думать», а Лиза сама никогда не спрашивала. Эта фраза повисает между нами. Дочь медленно поворачивается к нему.

— Я должна была спросить у собственного отца, не спит ли он с моей биологической матерью?

Кирилл понимает, что зашёл слишком далеко, и сразу смягчает голос. — Нет. Конечно нет. Я не это имел в виду. Я собирался рассказать тебе позже, когда всё станет понятнее.

Лиза садится обратно и выбирает стул рядом со мной. Я не тянусь обнимать её: сейчас ей важнее самой решить, что спросить у отца.

— Как давно? — спрашиваю я Кирилла. Мне уже страшно не от ответа, а от того, сколько наших обычных дней придётся после него пересмотреть.

— Давно, — начинает Кирилл и, увидев, что я продолжаю ждать, нехотя добавляет: — Не постоянно. Мы то прекращали общаться, то снова…

Алина обрывает его прежде, чем он успевает ещё уменьшить срок. — Почти два года, Кирилл. Не делай вид, что речь о нескольких случайных встречах.

Я остаюсь возле стола. Почти два года вместили наш юбилей, неделю в Калининграде, Лизины подготовительные курсы, обычные завтраки и вечера дома. Кирилл всё это время возвращался ко мне и параллельно жил ещё одну жизнь.

— Два года? — Лиза произносит это тихо. — Ты познакомил меня с ней уже после того, как всё началось?

Кирилл садится наконец, будто стоя дальше говорить невозможно. — Я познакомил тебя с твоей матерью потому, что ты имела право знать. Наши с Алиной отношения тут ни при чём.

Лиза смотрит на него долго. — Тогда почему ты не сказал мне сразу?

Кирилл начинает с экзаменов, потом говорит, что не хотел сваливать на дочь взрослые проблемы. Я уже слышала те же причины, когда ими объясняли моё незнание.

Я кладу ладонь на стол между нами и спрашиваю уже о другом: — А мне когда ты собирался сказать?

Кирилл замолкает. С улицы доносится последний сигнал машины, потом во дворе становится почти тихо. Лиза не отводит от него взгляд. Алина тоже ждёт.

— Кирилл, — повторяю я, — когда?

Он смотрит на меня и наконец отвечает:

— После выпускного.

Глава 7. Уходи

— После выпускного.

Кирилл говорит это спокойно, почти устало, будто мы наконец дошли до ответа, который всё равно пришлось бы услышать. Лиза рядом со мной перестаёт теребить обёртку букета. А я смотрю на мужа и пытаюсь вместить в два слова последние месяцы нашей жизни: как мы выбирали ресторан на двадцать вторую годовщину, спорили из-за плитки в загородном доме, обсуждали, куда поедем летом после Лизиных экзаменов. Он уже тогда знал, что после сегодняшнего вечера собирается что-то мне сообщить.

— После выпускного что? — спрашиваю я. — Ты собирался сказать, что спишь с Алиной, или сразу собрать вещи?

Кирилл на секунду прикрывает глаза. Его раздражает мой тон, и это почему-то помогает мне удержаться: пока он сердится, я могу задавать вопросы и не думать о том, что через несколько часов мы должны были вернуться домой втроём.

— Я собирался поговорить с тобой нормально, — отвечает он уже тише. — Без Лизы рядом. Она сдала экзамены, закончила школу. Я хотел хотя бы этот этап дать ей пройти спокойно.

Лиза резко поворачивается к нему. — Дать мне пройти спокойно? Пап, я последние полгода врала маме, потому что ты говорил, что так будет лучше для неё. Теперь оказывается, ты ещё и развод собирался на меня не вешать?

Кирилл сразу тянется к дочери объяснять, что она здесь ни при чём. Я слышу знакомую интонацию: сейчас он разложит всё по полочкам так, чтобы каждый его поступок оказался попыткой кого-нибудь уберечь. Полгода назад он «берёг» меня от правды об Алине. Сегодня — Лизу от нашего развода. Осталось только узнать, кого именно он берёг, когда два года ложился со мной в одну кровать.

— Не надо, — прошу я. — Не объясняй ей, что всё делал ради неё.

Кирилл осекается. Лиза смотрит на меня испуганно, и я понимаю, что сказала слишком резко. Она уже второй раз за вечер узнаёт, что была частью чужого решения, о котором не просила.

Я придвигаю к ней букет, который она сама отодвинула к краю стола. — Ты ни при чём, Лиз. Ни в том, что он изменял, ни в том, что собирался мне сказать после твоего выпускного. Это между мной и твоим отцом.

Кирилл опирается ладонями о спинку стула. — Вот именно. Между нами. Поэтому давай не будем сейчас превращать всё в катастрофу для неё. Мы можем доехать домой, выдохнуть, завтра спокойно…

Я почти смеюсь. Не от веселья — просто он опять предлагает завтра, словно сегодня уже исчерпан лимит неприятной правды.

— Нет, Кирилл. Ты домой сегодня не поедешь.

В учительской вдруг становится слишком тихо. Из коридора больше не доносится музыка; уборщицы добрались до нашего этажа, и где-то рядом щёлкает выключатель. Лиза переводит взгляд с меня на отца.

Кирилл выпрямляется. — Что значит не поеду?

— То и значит. У тебя есть квартира на Садовой. Есть гостиницы. Есть, как выяснилось, Алина. Выбирай любой вариант.

Он несколько секунд смотрит на меня, будто ждёт продолжения. Видимо, привык, что после жёсткой фразы я сама начинаю искать компромисс. Сегодня мне нечего добавлять.

— Ты сейчас на эмоциях, — говорит Кирилл наконец. — Наш дом общий. Ты не можешь просто сказать мне «уходи», потому что тебе больно.

— Могу попросить тебя сегодня там не ночевать. И прошу.

Он собирается возразить, но Лиза внезапно встаёт. — Мам, подожди. Вы правда сейчас… всё? Вот так?

Она говорит «всё» и беспомощно разводит руками. На пальце ещё болтается тонкая синяя ленточка от букета. Я заставляю себя помнить: для неё Кирилл не мужчина, который изменял мне два года. Это папа, который учил её водить, забирал с соревнований, тайком разрешал заказать пиццу, когда я ворчала про нормальную еду.

— Я не знаю, что будет дальше, — отвечаю ей. — Сегодня я знаю только одно: жить с человеком, который два года мне врёт и сегодня собирается поехать к женщине, с которой спит, я не хочу.

Кирилл резко отталкивает стул от себя. — Зачем ты так при ней? Можно ведь не вываливать подробности.

Вот теперь я смотрю на него уже без попытки смягчиться. — Подробности вывалил ты, когда привёл её биологическую мать в жизнь дочери и решил, что про вашу постель можно пока промолчать. Не делай меня виноватой в том, что Лиза теперь это знает.

Он замолкает. Впервые за весь вечер Кирилл не находит быстрого ответа, а Лиза садится обратно и прикрывает рот ладонью. Через несколько секунд она спрашивает, не глядя ни на кого:

— А я могу продолжать видеть Алину?

Вопрос режет совсем в другом месте. Я только что услышала, что муж два года мне изменяет, и всё равно самым страшным оказывается не он. Лиза боится, что сейчас я потребую от неё доказать любовь ко мне отказом от другой женщины.

— Можешь, — отвечаю я.

Кирилл делает движение, будто хочет вмешаться, но я продолжаю уже для дочери: — Мне это может не нравиться. Мне будет тяжело. Возможно, какое-то время очень тяжело. Но я не буду решать за тебя, с кем тебе общаться.

Лиза выдыхает так заметно, что я почти физически ощущаю, сколько месяцев она ждала обратного. Потом в её лице появляется виноватая настороженность. — Даже после того, что с папой?

— То, что происходит между ними, не отменяет того, что она твоя биологическая мать. Я только прошу тебя не ждать от меня, что я завтра приглашу её пить чай на нашей кухне.

Лиза кивает. На секунду мне хочется подойти, обнять её, вернуть хоть что-нибудь привычное, но дочь сидит напряжённо, прижав локти к себе. Я не трогаю.

Кирилл использует паузу. — Вот поэтому нам и не надо сейчас принимать решения, которые потом будет сложно отменить. Вер, давай домой. Я переночую в кабинете, если тебе так спокойнее. Завтра поговорим без Лизы, решим, что делать дальше. Ей и так сегодня хватило.

Он говорит это разумно. Почти заботливо. И если бы я не знала, что ровно такую заботу он использовал полгода, чтобы Лиза молчала, возможно, я бы согласилась.

— Не прикрывайся ею, — говорю я. — Если хочешь остаться дома, скажи: «Я хочу остаться». Не надо объяснять мне, что ты делаешь это ради Лизы.

Кирилл смотрит на дочь, и я замечаю, как она сразу напрягается. Он тоже замечает и меняет фразу.

— Хорошо. Я хочу поехать домой. Это мой дом тоже.

— А я не хочу сегодня видеть тебя там.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Двадцать два года брака не исчезают из-за одной фразы: я знаю, как Кирилл сжимает челюсть, когда уступать не собирается; он знает, что если я перестала повышать голос, спор уже почти закончен.

Первой сдаётся не я. Лиза говорит тихо:

— Пап, поезжай сегодня не домой.

Он резко поворачивается к ней. — Лиз…

— Просто сегодня. — Она наконец смотрит ему в лицо. — Я не хочу всю ночь слушать, как вы ругаетесь. И я вообще сейчас не понимаю, что тебе говорить.

У Кирилла меняется лицо. Не драматично, без красивого осознания — он просто садится обратно и несколько секунд смотрит в стол. Я почти жалею его, пока не вспоминаю, что ещё час назад он собирался уехать к Алине и не считал это чем-то, что мне нужно знать.

Домой мы едем двумя машинами. Кирилл следует за нами, потому что ему нужны вещи. Алина уезжает отдельно; перед тем как сесть в такси, она пытается что-то сказать Лизе, но дочь просит написать позже.

В машине Лиза молчит. Я включаю кондиционер, потом выключаю: она всегда мёрзнет после долгого дня в открытом платье. Через несколько минут дочь сама находит в бардачке мою лёгкую кофту и натягивает её поверх выпускного наряда. Раньше я бы сказала, что предупреждала. Сегодня молчу и крепче держусь за руль.

Дома Кирилл идёт в спальню за вещами. Я остаюсь на кухне с Лизой. Она снимает туфли прямо у стола, садится босыми ногами на прохладный пол и просит воды. Я наливаю автоматически, потом замечаю, что достала её любимый высокий стакан с трещиной у края — тот, который собираюсь выбросить уже года три.

Из спальни доносится звук выдвигаемых ящиков. Кирилл собирает вещи в небольшую дорожную сумку, которой обычно хватает на два-три дня. Это почему-то злит сильнее большого чемодана. Будто он всё ещё рассчитывает скоро вернуться.

Он появляется на кухне минут через десять. Лиза смотрит на сумку и сразу опускает глаза.

— Я буду на связи, — говорит Кирилл ей, не мне. — Если что-то понадобится, звони в любое время.

Я позволяю им проститься. Он обнимает дочь, она сначала стоит неподвижно, потом всё-таки прижимается к нему. На меня Кирилл смотрит уже у двери.

— Завтра поговорим.

— Завтра я решу, хочу ли разговаривать.

Он хочет ответить, но передумывает. Дверь закрывается, в прихожей гаснет датчик света, и квартира впервые за много лет остаётся без него.

Я возвращаюсь на кухню. Лиза сидит там же, только теперь поджала ноги под себя и смотрит в тёмное окно. Я ставлю перед ней тарелку с оставшимся с утра пирогом. Она качает головой.

— Хоть пару кусочков. Ты почти ничего не ела с обеда.

Лиза проводит пальцем по крошке на столе, долго молчит и потом произносит так тихо, что я сначала думаю, что ослышалась:

— Мам… я тоже сегодня здесь не останусь.

Глава 8. Не держи меня

— Что?

Лиза не повторяет сразу. Снимает с плеч мою кофту, складывает её на соседний стул и только потом поднимает на меня глаза. Выпускное платье вдруг выглядит на ней совсем чужим: слишком нарядным для кухни, где отец только что собрал вещи, а дочь собирается сообщить, что тоже уходит.

— Я хочу сегодня поехать к Алине, — говорит она уже громче. — И, может быть… пожить у неё немного.

В холодильнике включается компрессор. Где-то наверху соседи двигают мебель, за окном проезжает машина. Я слышу всё сразу, потому что несколько секунд не отвечаю.

Лиза воспринимает молчание как начало запрета и торопится: — Не навсегда. Я не знаю на сколько. Пару дней, может неделю. Мне просто надо всё понять без того, чтобы вы с папой каждый раз… Мам, я дома сейчас с ума сойду.

Она говорит «дома» и имеет в виду эту квартиру. Нашу. Свою комнату с плакатом над письменным столом, который я уже третий год прошу снять, потому что края отклеились. Полку с кубками. Шкаф, где до сих пор лежит медведь из детского сада, хотя Лиза уверяет, что давно его выбросила.

Я сажусь напротив, чтобы не стоять над ней. — Почему к Алине?

Лиза сразу напрягается. — А куда мне ещё? К папе я не хочу. К Саше могу на ночь, но объяснять её маме всё это… Я не хочу. Алина знает, что происходит.

Именно поэтому мне хочется сказать «нет». Потому что женщина, появившаяся в жизни моей дочери полгода назад, теперь становится единственным местом, где Лиза не должна ничего объяснять.

— Ты знала, что у них отношения? — спрашиваю я, хотя ответ уже слышала.

Лиза дёргает головой. — Нет. Если бы знала, всё было бы по-другому.

Она произносит это резко, почти обиженно, и я понимаю: уход к Алине сейчас для неё не означает, что она простила. Ей всё равно туда.

— После того, что ты узнала сегодня, ты хочешь ехать к ней?

Лиза морщится. — К ней, мам. Не к ним. Папа туда поехал или нет, я вообще не знаю. И если он там, я не останусь. Я ей напишу сначала.

Она достаёт телефон, но я прошу не сейчас. Не потому, что хочу запретить. Мне нужно ещё несколько минут, пока чемодан существует только у меня в голове.

— Лиз, ты можешь остаться здесь. Я не буду обсуждать при тебе отца. Не буду заставлять тебя занимать чью-то сторону. Если хочешь, завтра вообще весь день не увидимся: ты поспишь, я уеду на работу.

Лиза слушает, и чем спокойнее я говорю, тем сильнее закрывается. Наконец она кладёт телефон на стол и отвечает уже с раздражением:

— Мам, дело не только в том, что вы будете ругаться. Я здесь на всё смотрю и чувствую себя виноватой. На тебя, на папину чашку, на платье это дурацкое. Мне кажется, что если бы я не позвала Алину, сегодня ничего бы не случилось.

Вот чего я не услышала сразу. Дочь не выбирает другую мать. Она бежит из квартиры, где всё напоминает ей, что правда раскрылась на её выпускном.

Я наклоняюсь к ней через стол. — Послушай меня. Даже если бы Алина сегодня не приехала, твой отец всё равно два года был с ней. Он всё равно собирался поговорить со мной после выпускного. Ты не создала эту историю тем, что позвала её.

Лиза отворачивается. Я вижу, что слова дошли, но чувство вины от них не исчезло. У меня самой за восемнадцать лет материнства ни разу не получалось исправить ребёнка одной правильной фразой.

— Я всё равно хочу уехать, — говорит она после паузы. — Хотя бы на несколько дней. Только не запрещай мне, пожалуйста.

В памяти всплывает то, что она рассказала в кабинете: Кирилл полгода убеждал её, что я испугаюсь, решу, будто меня заменяют, стану мешать отношениям с Алиной. Если сейчас я скажу «ты никуда не поедешь», он окажется прав в самом удобном для него месте.

Мне приходится отпустить дочь именно тогда, когда хочется закрыть дверь на оба замка.

— Хорошо, — отвечаю я. — Но сначала ты напишешь Алине и узнаешь, где Кирилл. Если он у неё, сегодня ты туда не едешь.

Лиза явно готовилась спорить и теперь на секунду теряется. Потом быстро кивает и пишет сообщение. Мы ждём рядом, как будто проверяем результаты анализов. Ответ приходит почти сразу.

— Она одна. Папа поехал на Садовую, — читает Лиза. — Алина говорит, что может приехать за мной сама.

— Не надо. Я отвезу.

— Мам…

— Я хочу знать, куда ты приехала. Это пока не обсуждается.

Лиза смотрит на меня несколько секунд и сдаётся. — Хорошо.

Мы идём в её комнату. Свет там горит с утра; на кровати валяется чехол от платья, на столе — косметика, которой Лиза пользовалась перед выпускным, рядом открытая коробочка с серёжками. Обычный подростковый беспорядок, который всегда раздражал меня и сейчас внезапно хочется оставить навсегда нетронутым.

Лиза достаёт маленький чемодан. Я сажусь на край кровати, но через минуту всё равно встаю, потому что она складывает вещи как попало.

— Зарядку возьми. И линзы запасные.

— Есть.

— Нет, это пустая упаковка. Новые в верхнем ящике.

Она открывает ящик, находит линзы и бросает их в боковой карман. Я достаю аптечку из шкафа: антигистаминные, обезболивающее, её спрей. Лиза наблюдает за мной и начинает раздражаться.

— Мам, я не в экспедицию еду.

— У тебя аллергия не спрашивает, в экспедиции ты или у Алины.

— У неё тоже есть аптека.

Я продолжаю проверять упаковку спрея: почти пустая. Новый лежит в ванной, и я уже иду за ним, когда Лиза произносит вслед:

— Алина тоже умеет обо мне заботиться.

Я останавливаюсь в дверях.

Лиза сразу понимает, куда попала. — Мам, я не то…

Я возвращаюсь, кладу пустой спрей на стол и несколько секунд ищу новый в пакете с лекарствами, хотя прекрасно знаю, что он в ванной. Мне нужно занять руки, пока первая реакция не превратилась в слова.

Восемнадцать лет температур, врачей, школьных завтраков, прививок, забытых шарфов и звонков «мам, забери меня» невозможно сравнить с аптечкой в чужой квартире. Но если я сейчас начну считать эти годы вслух, превращу собственную любовь в счёт, который дочь обязана оплатить.

— Может, умеет, — отвечаю я наконец. — Я не знаю. Мы с ней почти не знакомы.

Лиза садится на край кровати. — Я не хотела сказать, что она лучше. Или что ты мне не нужна. Просто ты всё делаешь так, будто без тебя я пять минут не проживу.

— Возможно, потому что восемнадцать лет ты успешно доказывала, что зарядка сама в чемодан не приходит.

Она неожиданно фыркает. Смех тут же гаснет, но напряжение между нами немного отпускает. Я иду в ванную за новым спреем. Когда возвращаюсь, Лиза сама оставила для него место в боковом кармане.

Мы собираем вещи ещё минут двадцать. Я не кладу ей половину шкафа, хотя хочется. Лиза берёт джинсы, футболки, ноутбук, косметику. Выпускное платье переодевает на обычные брюки и толстовку, волосы собирает в хвост. На кровати остаются серьги, которые я подарила ей утром.

— Забыла, — напоминаю я.

Она смотрит на коробочку и качает головой. — Пусть здесь будут. Я вернусь.

Фраза могла бы меня успокоить. Вместо этого я слышу, что возвращение теперь нужно проговаривать отдельно.

До Алины едем почти без разговора. Навигатор ведёт в новый жилой комплекс на другом конце города. Лиза один раз пытается включить музыку и сразу выключает. Я не спрашиваю, бывала ли она здесь раньше. Сегодня мне хватает ответов.

Алина ждёт у подъезда в джинсах и светлой рубашке, без выпускного шарфа. Увидев мою машину, заметно напрягается. Я выхожу вместе с Лизой и сама достаю чемодан из багажника.

— Если что-нибудь понадобится, звони, — говорю дочери. — В любое время. Даже если просто захочешь домой ночью.

Лиза кивает, обнимает меня неожиданно крепко и слишком быстро отстраняется. — Мам, я правда ненадолго.

— Я услышала.

Алина берётся за ручку чемодана. На секунду наши руки оказываются рядом, и она первой отступает.

— Я присмотрю за ней, — говорит она осторожно.

Мне хочется ответить, что Лизе восемнадцать и она не чемодан, который надо присмотреть. Но дочь стоит между нами и снова ждёт, как поведу себя я.

— Если у неё ночью начнётся аллергия, спрей в боковом кармане. Вторая упаковка таблеток там же. И она обычно говорит, что всё нормально, минут за двадцать до того, как становится совсем не нормально.

Лиза закатывает глаза. — Мам.

— Всё. Ухожу.

Я сажусь в машину раньше, чем они заходят в подъезд. Только на первом светофоре понимаю, что впервые за восемнадцать лет не знаю, в какой комнате сегодня будет спать моя дочь.

Утром будильник звонит в шесть тридцать. Я почти не спала, но в семь уже стою под душем, а в восемь еду в центральный офис. В квартире слишком тихо: нет Лизиных дверей, хлопающих в последний момент, нет Кириллова кофе, нет его привычного «ты сегодня поздно?».

В офисе меня встречает помощница с кофе и списком звонков. Я прошу перенести всё, что можно, до обеда, и ухожу в переговорную. Сегодня должен состояться финальный созвон с зарубежным партнёром по международной программе нового кампуса. Три месяца согласований, бюджет, обмен преподавателями, обучение команды — то, что хотя бы на несколько часов должно вернуть мне понятную жизнь.

За пять минут до звонка заходит директор по развитию Наташа. Она не садится и держит ноутбук прижатым к груди.

— Вера Сергеевна, Northbridge отменили встречу.

Я сначала смотрю на часы. — Перенесли?

Наташа медлит, и я уже понимаю, что нет.

— Они официально приостанавливают переговоры по международной программе. До дополнительного уведомления.

Я ставлю чашку обратно на стол, так и не сделав первого глотка.

— Почему?

Наташа открывает ноутбук.

— Они пока не объяснили.

Глава 9. Алина Орлова

— Они пока не объяснили.

Наташа ставит ноутбук передо мной и разворачивает экран. Письмо от Northbridge занимает меньше половины страницы: переговоры по международной программе приостанавливаются до уточнения рыночной стратегии, новые сроки сообщат дополнительно. Ещё вчера их координатор спорил с нами о количестве преподавателей в первом обмене. Сегодня за сорок минут до финального звонка у британцев внезапно появилась причина остановиться.

Я придвигаю ноутбук ближе. Кофе возле локтя успел остыть, на поверхности собралась тонкая плёнка; чашку я убираю подальше от клавиатуры.

— Кто разговаривал с ними последним?

Наташа открывает переписку. Она обычно по четвергам работает из нового кампуса, а сегодня приехала раньше меня. Волосы ещё влажные после дождя, пиджак застёгнут на соседнюю пуговицу, хотя на совещания она всегда приходит собранной до последней серьги.

— Во вторник я. Вчера вечером Марк прислал уточнения по договору, в десять я ответила. Никаких проблем не было. Я уже написала ему напрямую, без общего адреса.

Она не успевает закончить, когда в верхнем углу экрана появляется уведомление. Наташа открывает письмо, мы читаем вместе.

Теперь Марк пишет осторожнее. Northbridge получил ещё одно предложение по российскому рынку. Программы частично пересекаются, поэтому внутренний комитет решил сначала разобраться, с кем и в каком формате продолжать переговоры.

Название компании стоит ниже.

Nova Education.

Я перечитываю его дважды. Ничего знакомого.

Наташа уже набирает название в поиске. Сайт открывается сразу: светлые классы, дети за круглыми столами, несколько фотографий европейских кампусов и объявление о сегодняшней презентации новой образовательной платформы.

— Они запускаются сегодня, — Наташа смотрит на время публикации. — Удобно получилось.

— Пока ничего не получилось. Сначала выясним, кто они.

Я открываю раздел с командой.

Первые фамилии мне ни о чём не говорят. На третьей я останавливаю прокрутку.

Алина Орлова. Международный директор.

Фотография деловая. Тёмный жакет, собранные волосы, почти незаметная улыбка. Вчера ночью эта женщина стояла у своего подъезда и брала из багажника чемодан моей дочери.

Сегодня её проект остановил переговоры, которые моя команда вела три месяца.

— Вера Сергеевна? — Наташа смотрит уже на меня. — Вы её знаете?

Я закрываю фотографию. Если сейчас расскажу ей про выпускной, Кирилла и Лизу, через десять минут сама перестану понимать, что относится к семье, а что к работе.

— Знаю. Посмотри регистрацию Nova, владельцев, все доступные презентации. И открой наш последний пакет для Northbridge.

Наташа кивает, но перед уходом всё-таки задерживается. — Безопасность подключать?

— Пока нет. У нас конкурент и сорванный звонок. Этого мало.

Когда дверь за ней закрывается, я беру телефон. От Лизы новых сообщений нет. Последнее всё ещё утреннее: фотография моей кофты на чужом диване и короткое «я нормально».

Я кладу телефон экраном вниз.

Через пятнадцать минут должна начаться встреча с фондом Гордеева. Палец уже лежит на кнопке отмены, но я убираю руку. Если сниму все встречи после одного письма, к обеду офис сам придумает нам банкротство.

Роман приходит ровно в половине десятого. После вчерашнего выпускного я впервые вижу его без галстука; на плечах тёмного пальто остались капли дождя. Он останавливается у двери, замечает открытые документы и не садится, пока я не показываю на кресло.

— Наталья написала про Northbridge. Если вам сегодня не до фонда, перенесём.

— Стипендии от этого не исчезли. Давайте хотя бы их не будем хоронить.

Первые десять минут мы действительно работаем. Роман спорит со мной из-за сроков конкурса, я сокращаю количество этапов отбора, мы переносим старт на неделю. Нормальные цифры и нормальная проблема, которую можно решить за столом, помогают лучше кофе.

Наташа возвращается с планшетом и несколькими распечатками.

— Нашла открытую презентацию Nova.

Я вывожу её на большой экран.

Первые страницы меня не тревожат. Билингвальные модули, преподавательские обмены, международные стажировки. Подобное есть у половины частного образования.

На шестом слайде я перестаю листать.

Схема программы состоит из трёх ступеней. Другая графика, другие названия блоков, но последовательность знакома мне до раздражения. Наш методический совет всю зиму спорил, что должно идти раньше: внешняя экспертиза или пилот внутри школы. Мы поменяли местами два этапа после февральского тестирования.

— Верните назад, — просит Роман.

Я возвращаю слайд.

Он подходит ближе к экрану и несколько секунд читает подписи. — Я видел эту логику у вас.

— Общая идея.

— Идея общая. Последовательность ваша. — Роман поворачивается ко мне. — Вы показывали её нашему комитету зимой. Я ещё спрашивал, кто оплачивает повторную сертификацию преподавателей после обмена.

Я вспоминаю тот день. Роман действительно полчаса спорил со сметой и заставил нас увеличить резерв на поездки. Презентация ушла членам фонда и ограниченному кругу сотрудников моей группы.

На следующем слайде Nova показывает будущую «международную лабораторию». У нас это помещение называется иначе, но принципы снова слишком похожи: школьники работают с внешними преподавателями, затем проекты возвращаются в обычные классы.

Наташа уже заводится. Я вижу это по тому, как быстро она листает страницы.

— Если они взяли наши материалы…

— Сначала даты, — останавливаю я её. — Наши исходники, список получателей, старые презентации Nova. Никаких обвинений до проверки.

Мне хочется позвонить Алине прямо сейчас и спросить, сколько ещё моих вещей она успела забрать за последние два года. Вместо этого я прошу методический отдел поднять историю правок и отправляю юристу название Nova.

Роман закрывает свою папку. — Протокол февральского комитета сохранить отдельно?

— Да. Пока просто сохраните.

Он собирается уходить и у двери оборачивается. — Northbridge могли поставить переговоры на паузу только потому, что два похожих предложения пришли одновременно. Пока это ещё не выбор в пользу Nova.

Я киваю. За это мне всегда нравилось с ним работать: он не пытается утешить, когда не знает результата.

После его ухода Наташа зовёт меня к себе.

На столе у неё лежат два слайда рядом. Наш и Nova. Если смотреть мельком, они разные. Если помнить, сколько раз мы перестраивали именно эту схему, совпадений слишком много.

— Я искала Орлову по внутренней базе, — говорит Наташа и открывает карточку контрагента. — В штате такой фамилии нет. Но нашлась OE Strategies. Они делали для нас международный консалтинг.

Название знакомое. Я видела его в бюджетах десятки раз.

— И?

Наташа разворачивает экран. — В договорах коммерческое название. Я полезла в реестр. Бенефициар вот.

В карточке стоит имя:

Alina Orlova.

Я прокручиваю ниже.

Исследование зарубежного рынка. Карта партнёров. Адаптация программ. Сопровождение переговоров.

В графе «инициатор привлечения» указан Кирилл Белов.

Дата первого договора — год и десять месяцев назад.

Я возвращаюсь к ней ещё раз, хотя цифры от этого не меняются.

Почти два года.

— Подними всё, что у нас по ним есть, — прошу я. — Договоры, акты, отчёты, переписку. Кто согласовывал, кто принимал работу. Всё.

Наташа уже тянется к телефону, а я продолжаю смотреть на карточку.

Алина пришла в мой бизнес задолго до выпускного Лизы.

Почти за два года до него.

Глава 10. Я сама ей платила

К полудню в малой переговорной лежат четыре папки с логотипом OE Strategies.

Я ожидала увидеть фиктивные отчёты, раздутые суммы, одинаковые акты. Тогда было бы проще. Вместо этого получаю документы, к которым почти невозможно придраться.

Первая папка содержит исследование зарубежных рынков. Во второй лежит программа обмена преподавателями, которой мы пользовались осенью. Есть переписка, записи двух вебинаров, протоколы встреч. OE действительно свела нашу команду с несколькими консультантами и помогла подготовить первые переговоры.

Алина подписывала письма как *A. Orlova*.

Я видела это имя.

Среди десятков адресатов в копии, между юристами, аналитиками и методистами. Видела и ни разу не спросила, кто она.

— По деньгам я пока ничего подозрительного не нахожу, — говорит Сергей, финансовый директор. Он сидит напротив и листает акты. — Цены рыночные. На части проектов они даже дешевле альтернатив. Работа принята, результаты есть.

Я беру один из старых отчётов.

На полях мой почерк: «дорого», «проверить нагрузку», «обсудить с Наташей».

Значит, документ лежал у меня на столе. Я читала работу Алины. Потом сама утверждала квартальный бюджет, где OE стояла одной строкой среди нескольких десятков подрядчиков.

Наташа, сидящая рядом, первой нарушает тишину. — Я с Орловой созванивалась несколько раз. Камеру она обычно не включала, дальше работали её сотрудники. Я правда понятия не имела…

— Тебе и не надо было иметь, — перебиваю я, пока она не начала оправдываться за чужую ложь. — Вы подрядчика проверили?

Сергей кивает и открывает закупочную карточку. Три предложения, сравнение цен, опыт проектов, рекомендации. Формально всё выглядит нормально.

— Кто привёл OE? — спрашиваю я.

Он показывает строку, которую я уже видела.

Кирилл.

Ему нужен был подрядчик с международными связями. OE дала хорошие условия. После первого проекта команда сама несколько раз рекомендовала продление.

Я закрываю папку. Если Кирилл рассчитывал просто выводить семейные деньги через Алину, документы этого пока не подтверждают.

Проблема находится в другом месте.

— У нас есть уведомление Кирилла о личной заинтересованности?

Сергей перестаёт листать бумаги.

— В отношении OE? Нет.

Наш кодекс требует сообщать о личной связи с контрагентом, если руководитель участвует в выборе поставщика или согласовании продления. На дату первого договора Кирилл, возможно, ещё не спал с Алиной. Дальше идут новые соглашения, дополнительные задания и бюджеты.

Где-то среди них начинаются те самые «почти два года».

Я открываю переписку с мужем.

Ночью он спрашивал про Лизу. Утром написал, что нам надо поговорить. Час назад сообщил, что после обеда заедет за рабочими документами.

Я отвечаю:

«Зайди ко мне, когда приедешь».

Кирилл появляется через полчаса. Вчерашняя рубашка помята у воротника, на щеке тёмная щетина. Я автоматически вспоминаю, что в нижнем ящике моего стола лежит одноразовая бритва, которой он пользовался после ночных перелётов.

Пусть теперь покупает сам.

Он закрывает дверь кабинета и первым спрашивает про дочь.

— Лиза тебе писала?

— Да.

— Мне не отвечает. Алина сказала, что утром она спала.

Я ничего не рассказываю про нашу короткую переписку. Разворачиваю к нему папку OE.

Кирилл смотрит на логотип и сразу меняется. Усталость никуда не исчезает, но вопроса «что это?» не следует.

— Быстро нашла, — произносит он и садится напротив.

Я открываю закупочную карточку между нами. — Ты привёл OE Strategies в группу год и десять месяцев назад. Почему я не знала, что компания принадлежит Алине?

Кирилл берёт лист и несколько секунд рассматривает дату, хотя вряд ли видит её впервые. — Потому что ты не проверяешь личность владельца каждого подрядчика. У неё были нужный опыт и контакты. Процедуру прошли нормально.

Именно это показывают мои папки.

— Когда вы снова начали отношения?

Он поднимает взгляд. — Вера, вчера мы уже…

Я отмечаю ручкой дату первого договора. — Этот контракт появился раньше или позже?

Кирилл замолкает. Потом отвечает уже без раздражения:

— Раньше. Мы снова встретились по работе. Отношения начались позже, через несколько месяцев.

Я нахожу первое продление. Пять месяцев после стартового договора. На листе стоит согласование Кирилла и мой протокол бюджетного комитета.

— Здесь вы уже были вместе?

Он берёт стакан воды, делает несколько глотков и ставит обратно.

— Да.

Одно короткое слово заставляет меня вспомнить то заседание целиком.

Четыре часа в большой переговорной. Кирилл сидит справа и спорит со мной из-за расходов международного направления. Я настаиваю, что внешних консультантов надо оставить ещё на полгода: своей команды недостаточно. Потом мы вдвоём едем ужинать.

В тот день я сама продлила контракт его любовницы.

— Ты сидел рядом, когда я утверждала ей деньги.

Кирилл начинает объяснять, что деньги получала компания, услуги оказаны, цена нормальная. Я не перебиваю. Он перечисляет исследования, контакты, переговоры. Всё это уже лежит у меня на столе.

Когда он заканчивает, я подвигаю к нему внутренний кодекс.

— После того как вы начали спать вместе, ты должен был сообщить о конфликте интересов.

Он читает несколько строк и отодвигает лист. — Я не принимал её работу лично. Наташа принимала. Сергей проводил платежи. Бюджеты утверждала ты. Никто не выводил через OE деньги.

Интересно, что о выводе денег заговорил он сам.

Я закрываю верхнюю папку. — Я вижу, что работа сделана. Ты привёл Алину в мою компанию. Потом начал с ней спать. После этого продолжал участвовать в решениях и молчал. Мне всё равно, насколько хорошо она рисует презентации.

Кирилл смотрит через стеклянную стену на коридор. Ждёт, пока мимо пройдут сотрудники, и только потом отвечает:

— Я не хотел тащить личное в работу.

— Оно уже было в работе, Кирилл. Я просто об этом не знала.

Он раздражённо качает головой. — Что ты предлагала сделать? Уволить сильного подрядчика после первой ночи? Прийти к тебе и сказать, что консультант, которого ты сама одобрила, моя бывшая? Ты бы оставила её?

Я не отвечаю на вопрос, который должен оправдать его молчание задним числом.

Вместо этого открываю презентацию Nova.

— Northbridge остановили переговоры с нами. Им предложила сотрудничество Nova.

Кирилл смотрит на экран гораздо внимательнее, чем на договоры ОЕ.

— Я слышал, что Алина готовит запуск.

Слово выбрано слишком осторожно.

Я остаюсь у стола и жду. Кирилл первым не выдерживает паузу.

— Хорошо. Знал.

Переключаю на следующий слайд, потом показываю нашу февральскую схему.

— Здесь слишком много знакомого. Мы сейчас поднимаем версии и доступы. Если наши закрытые материалы уходили через тебя, это выяснится.

Кирилл резко отодвигается от стола. — Через меня ничего не уходило. Не придумывай себе преступление только потому, что узнала про нас.

— Поэтому я и проверяю документы.

Он встаёт, проходит к окну и возвращается. Так Кирилл всегда ходит по комнате, когда разговор уже подошёл к решению, которое он долго откладывал.

— Nova работает по другой модели, — произносит он наконец. — Международные программы, инвестиции, партнёрские площадки. С вашей сетью есть пересечение. И всё.

Меня цепляет другое.

— С вашей?

Кирилл останавливается.

Ещё вчера я выяснила, что после выпускного он собирался рассказать о романе. Теперь передо мной компания Алины, созданная рядом с моей, и муж знает её модель слишком хорошо.

— После развода ты собирался остаться в «Открытом мире»?

Он молчит дольше, чем на предыдущие вопросы.

Потом возвращается к креслу и садится.

— Нет. Я хотел выйти из операционного управления.

Я разглаживаю загнувшийся край распечатки и заставляю себя спросить дальше.

— И куда ты собирался?

Кирилл устало проводит ладонью по лицу. В этот раз он даже не пытается придумать мягкую формулировку.

— В Nova. Мы с Алиной собирались развивать её вместе.

Глава 11. После выпускного

— В Nova. Мы с Алиной собирались развивать её вместе.

Кирилл произносит это и тянется к стакану, из которого уже пил. На дне осталось два глотка тёплой воды, но он всё равно делает паузу, будто стакан способен выиграть ему несколько секунд. Я смотрю на папки OE, на открытую презентацию Nova и впервые не пытаюсь решить, какое из его признаний больнее.

— После развода, — уточняю я. — Который ты собирался начать после выпускного Лизы.

Он ставит стакан аккуратно, точно в мокрый круг на столе. — Я собирался сначала поговорить с тобой. Потом выйти из оперативного управления. Это заняло бы месяцы, Вер. Ты сейчас складываешь всё в одну готовую картинку, хотя многие решения принимались в разное время.

Я беру блокнот, раскрытый на записях по Northbridge, и переворачиваю страницу. Два года назад Кирилл возвращает Алину в наш бизнес. Год и десять месяцев назад появляется первый договор OE. Через несколько месяцев возобновляется их роман. Полгода назад Лиза узнаёт, кто её родители. Сегодня Nova выходит на рынок. Завтра, если бы выпускной прошёл по их сценарию, Кирилл сообщил бы мне о разводе.

Он следит за ручкой в моей руке и морщится. — Ты нарочно ставишь даты так, будто я восемнадцать месяцев сидел с календарём и ждал Лизин аттестат.

— А ты не ждал?

Кирилл отодвигается от стола. До этого он объяснял каждый отдельный поступок: хороший подрядчик, рыночная цена, случайно возобновившиеся отношения. Теперь отдельные объяснения выстраиваются в хронологию, и спорить ему приходится уже со всей картиной.

— Лизе исполнилось восемнадцать, и я рассказал ей правду, — отвечает он после паузы. — Nova готовилась к запуску своим темпом. Выпускной был нормальной границей для нашего семейного разговора. Три события совпали по времени. Так бывает.

— Четыре, — поправляю я. — Ты ещё собирался уйти из компании.

Он проводит большим пальцем по помятому воротнику рубашки и бросает взгляд на дверь. Рабочие документы, за которыми он приехал, так и лежат у моего секретаря. Кирилл рассчитывал забрать их, поговорить со мной и снова вернуться к привычным делам. — Я двадцать лет работал в группе. У меня двадцать процентов, обязанности перед компанией и право решить, где я буду дальше. Я не обязан после развода сидеть в соседнем кабинете и смотреть, как ты меня ненавидишь.

— Двадцать процентов не дают тебе права готовить конкурента за моей спиной.

— Nova не создавалась как конкурент всей сети. — Он произносит это с нажимом, уже понимая, что слово «всей» я услышу. — Речь о международном направлении. У него другая экономика, партнёры, отдельная команда. Мы всё равно должны были обсуждать, как его развивать дальше.

Телефон коротко вибрирует возле блокнота. Руководитель юридического отдела Ольга Крылова пишет, что нашла документы с упоминанием Nova и просит меня подойти в малую переговорную. Я отвечаю, чтобы она принесла их сюда.

Кирилл успевает прочитать имя на экране. — Ты уже подняла юристов?

— Ты уже поднял Nova.

Он встаёт, но я прошу остаться. Если найденные бумаги касаются его будущего проекта, я не собираюсь слушать пересказ после его ухода. Кирилл медлит у кресла, потом снова садится и расстёгивает пиджак. Под мышкой рубашка темнее от жары; вчера я бы предложила включить кондиционер сильнее. Сегодня просто открываю окно. С улицы тянет влажным асфальтом, внизу сигналит машина доставки.

Ольга входит с ноутбуком и тонкой синей папкой. Увидев Кирилла, она замедляется, но вопрос оставляет при себе. Мы работаем вместе одиннадцать лет; за это время она научилась по моему лицу понимать, когда лишнее сочувствие только мешает.

— Вы искали Nova по всем договорам? — спрашиваю я, освобождая для неё край стола.

— По договорам, проектам решений и внутренним согласованиям. — Ольга кладёт папку передо мной, а ноутбук оставляет у себя. — Действующего договора с ними нет. Есть проект реорганизации международного направления. Создан три месяца назад, последняя версия загружена одиннадцать дней назад.

Кирилл не спрашивает, о каком проекте речь. Он берёт один из листов прежде, чем я успеваю открыть папку, и сразу переворачивает к приложениям. Мне достаточно того, как быстро он находит нужную страницу.

Я забираю документ обратно. — Ты его видел.

— Конечно. Я участвовал в расчётах международного блока. Это моя работа.

Ольга переводит взгляд на меня, ожидая разрешения продолжить. Я киваю. Она показывает структуру сделки без длинных юридических формулировок: часть программ остаётся в «Открытом мире», а права на четыре разработанных нами модуля передаются Nova по лицензии. Формально лицензия неисключительная. На практике именно Nova получает возможность первой предлагать программы зарубежным партнёрам и площадкам, с которыми наша команда вела переговоры.

Я нахожу знакомые названия. Один модуль мы собирали почти три года. Методисты спорили до ночи, преподаватели переделывали его после каждого пилота, а я переносила запуск, пока дети не перестали выпадать из обычной программы. Теперь возле него стоит сухая строка: «лицензиат — Nova Education».

— На каком основании мы должны отдать им эти права?

Кирилл поправляет лист, который я сдвинула к краю. — Не отдать. Лицензировать за плату. Международное направление выросло внутри группы, но дальше ему нужны инвестиции, которых ты не хотела привлекать. Nova берёт расходы на расширение, «Открытый мир» получает лицензионные платежи и сохраняет программы у себя. Нормальный вариант отделения бизнеса.

— Нормальный для кого? Для тебя, который выходит со своей долей, и для Алины, которая получает наши программы вместе с Northbridge?

Он отвечает не сразу. В коридоре кто-то останавливается возле стеклянной стены и, заметив нас, уходит быстрее обычного. Кирилл ждёт, пока шаги стихнут, и понижает голос: — Northbridge никому не принадлежит. Они выбирают партнёра. А проект реорганизации должен был обсуждаться на совете. Там есть оценка, условия, ограничения. Ты сейчас ведёшь себя так, будто я вынес сервер ночью.

— Ты готовил передачу программ компании своей любовницы и ни разу не произнёс при мне её название.

Ольга закрывает папку, давая мне несколько секунд. Кирилл поворачивается к ней, словно рассчитывает вернуть разговор в безопасную деловую плоскость. — Оль, это проект. Таких вариантов мы делаем десятки. До решения совета он ничего не значит.

— Для совета готовят пакет после внутреннего согласования собственников, — спокойно отвечает она. — Без предварительной отметки Веры Сергеевны документ не должен был уйти дальше юридического отдела.

Я открываю последние страницы. Моей подписи там нет. Только таблица с оценкой программ, график лицензирования и перечень людей, которых собирались включить в переходную команду. Фамилии сотрудников пока скрыты за должностями, но руководитель международного направления указан отдельно — Андрей Чернов.

Кирилл замечает, где я остановилась. — Андрей знает направление лучше всех. Его участие в расчётах очевидно.

— Он знает, что вы готовите ему место в Nova?

— Никто ему место не готовит. — Кирилл отвечает слишком быстро и тут же смягчает тон. — Мы обсуждали разные модели. Если направление отделяется, часть команды сама решит перейти. Люди не принадлежат тебе, Вера.

Я закрываю папку. Вчера он объяснял Лизе, что её право знать Алину никак не связано с его романом. Сегодня объясняет мне, что расчёты Nova никак не связаны с будущим переходом команды. Каждый раз связь уже существует, просто Кирилл предлагает не называть её вслух.

— Покажите карточку проекта, — прошу я Ольгу.

Она разворачивает ноутбук. В системе видны авторы версий, комментарии финансовой службы и пройденные этапы. Кирилл значится куратором. Андрей Чернов загрузил расчёт по команде. Юристы поставили замечания и вернули документ на доработку. Возле следующей строки горит зелёная отметка.

Я читаю её один раз. Потом наклоняюсь ближе, потому что имя на экране остаётся моим. *«Согласовано: В. Белова».*

— Я этого не согласовывала.

Глава 12. Ты готовился

— Я этого не согласовывала.

Ольга открывает журнал действий. Кирилл смотрит на строку с моим именем и слишком быстро говорит, что в системе могла сохраниться отметка от другого проекта.

— От другого проекта с Nova? — Я поворачиваю экран обратно к нему. — Много у нас таких?

Он хмурится. — Я сказал, могла быть техническая ошибка. Пусть IT проверит.

Ольга уже пишет руководителю службы. Через несколько минут Артём приходит с рабочим ноутбуком, замечает Кирилла и молча подключается к журналу.

Кирилл берёт телефон, но я прошу положить его на стол экраном вверх. Он всё-таки выполняет и откидывается на спинку кресла.

— Ты уже считаешь меня вором? — спрашивает он.

— Я считаю, что в проекте передачи наших программ стоит моё согласование, которого я не давала. Остальное сейчас проверят.

Артём листает записи и наконец останавливается. — Отметка поставлена из профиля Веры Сергеевны. Двадцать третьего числа в ноль сорок семь. Сессия открыта с доверенного устройства, повторный код система не запрашивала.

— Какого устройства?

Он увеличивает строку. — Домашний ноутбук. Тот, который зарегистрирован на вас и Кирилла Андреевича. Браузерный профиль ваш.

Я вспоминаю домашний кабинет, мой ноутбук возле принтера и просьбы Кирилла не закрывать рабочие вкладки. Я входила с него в систему во время болезни, потом устройством пользовалась вся семья.

— Пароль сохранён? — уточняю я.

Артём кивает. — На доверенном устройстве достаточно было открыть ваш профиль. Если браузер не выходил из учётной записи, отдельный пароль мог вообще не понадобиться.

Кирилл наконец подаётся к столу. — Вот о чём я говорю. Мы годами работали с домашнего ноутбука. Вера сама просила меня закрывать внутренние согласования, когда у неё не было времени. Там десятки документов проходили таким образом.

И это правда. Перед открытием шестого филиала я попросила его одобрить за меня срочную закупку. Потом были сметы, командировки, переносы между статьями. Я отдала Кириллу доступ так же привычно, как ключи от дома: один раз и надолго.

— Я разрешала тебе закрывать текучку, — говорю я. — Не передавать наши программы твоей новой компании.

Кирилл резко забирает телефон со стола. — Nova не моя компания, и никакой передачи ещё нет. Я поставил внутреннюю отметку, чтобы юристы посчитали рабочий вариант и не тормозили проект. Ты сама десятки раз говорила: если вопрос внутренний, не жди меня до ночи.

— Ты поставил моё имя под документом, который готовил к собственной жизни после меня.

Он встаёт. Кресло откатывается к стеклянной стене, и Артём невольно отступает вместе с ноутбуком. Кирилл замечает его движение и понижает голос, но злость уже слышна. — Я готовил вариант выхода, потому что наш брак закончился задолго до вчерашнего выпускного. Ты просто не хотела этого видеть.

Я несколько секунд смотрю на него. Дома у нас ещё стоят две чашки возле кофемашины, в календаре висит бронь на август, а в шкафу лежит его костюм из химчистки, который я забрала во вторник. Кирилл уже переписывает и эти мелочи, чтобы два года лжи превратились в давно законченный брак.

— Ольга, как быстро мы можем убрать Кирилла от решений, пока идёт проверка?

Она не отвечает с ходу. Сначала уточняет, что его доля и право голоса останутся при нём, а приостановить можно только полномочия, которые компания делегировала ему для ежедневной работы. Я жду, пока она закончит, и киваю. — Этого достаточно. Готовьте приказ. Платежи заберёт Сергей, всё остальное пока несите мне.

Кирилл задевает кресло коленом и ловит его за спинку. — Ты понимаешь, что делаешь?

Я уже поворачиваюсь к Артёму. — Сначала закройте мою учётную запись везде, кроме этого ноутбука. Потом отключите Кирилла от проектных папок и соберите для Ольги, куда ещё он может входить от имени группы. Журналы не чистите, даже если там обычная текучка.

Артём спрашивает, трогать ли доступ к банкам. Я смотрю на Кирилла и вспоминаю, как утром он приехал за рабочими документами, словно после ночи на Садовой ничего в компании не изменилось. — Сам доступ закройте. Подписи и уведомления Ольга оформит отдельно.

Он уходит с ноутбуком, прижимая его к боку крепче, чем при входе. Ольга остаётся и открывает новый документ. Я слышу, как она несколько раз удаляет начало приказа: формулировка должна остановить Кирилла, но не дать ему заявить, что я лишаю совладельца законных прав.

— Вера, послушай хотя бы сейчас, — Кирилл говорит тише и садится напротив. — По новому кампусу банк считает меня ключевым руководителем. Увидят приказ, заметят конфликт собственников и сразу нажмут на паузу. Там люди не станут разбираться, из-за какой отметки мы поссорились.

Ольга перестаёт печатать. Я знаю, что именно окажется на этой паузе: незавершённый корпус, заказанное оборудование, авансы подрядчикам. До открытия два с половиной месяца. Сотни родителей уже подписали договоры и привозили детей смотреть классы, где пока пахнет штукатуркой.

Кирилл замечает, что я считаю сроки, и придвигается ближе. — Дай мне неделю. Я сам никуда не зайду, Ольга всё проверит без приказа. Потом сядем втроём и решим, что делать.

— Как решили про Алину после выпускного?

Он отворачивается. Этого движения хватает, чтобы я перестала считать стоимость ещё одной недели его спокойствия.

— Ольга, оформляйте. И соедините меня с банком раньше, чем туда уйдёт приказ. Раз уж они всё равно будут разбираться, пусть начнут с нашей версии.

К трём часам мой кабинет завален распечатками и остывшими чашками. Сергей дважды возвращается: сначала уточняет, кто теперь подтверждает платежи, потом приносит список ближайших обязательств. Артём присылает закрытые сессии и отдельно отмечает домашний ноутбук. Я сама звоню менеджеру банка, объясняю временный порядок и слышу, как вежливое «поняла вас» сменяется просьбой срочно прислать приказ. Гарантий она не даёт.

Кирилл уходит после первого часа, напоследок обвинив меня в том, что я ставлю компанию под удар из-за обиды. Я не спорю и не отдаю ему ещё время.

В половине пятого приходит официальное уведомление банка. Кредитную линию нового кампуса ставят на пересмотр до оценки корпоративных изменений. Новые выборки временно приостановлены.

Сергей читает письмо рядом со мной и тихо ругается. Без очередного транша мы оплатим ближайшие счета, но через несколько недель стройка начнёт останавливаться: сначала отделка, потом оборудование и выплаты подрядчикам.

— Сколько у нас времени? — спрашиваю я.

Он быстро открывает модель. — Три недели безболезненно. Четвёртая уже съест резерв действующих школ. Я бы туда не лез.

— И не полезем. Подготовь три сценария до утра. Наташа пусть соберёт график обязательств перед родителями. Пока никому обещаний не даём.

Едва Сергей выходит, на почту падает письмо от журналиста делового издания. В теме стоит название «Открытого мира». Внутри один вопрос: правда ли, что группа испытывает финансовые проблемы, а часть бизнеса готовится перейти Nova Education?

Банк получил приказ три часа назад. О проекте реорганизации знали несколько сотрудников, Кирилл и люди Nova. Теперь две истории уже соединены для прессы в одну.

Я звоню Кириллу. Он отвечает после второго гудка, вокруг него шумят машины.

— Ты это сделал? — спрашиваю я без приветствия. — Слил банку и журналисту, что у нас проблемы?

Он сначала переспрашивает, какому журналисту. Я читаю формулировку целиком. Кирилл замолкает на словах про переход бизнеса, потом ругается — коротко и зло, без привычного объяснения на пять минут.

— Нет, — отвечает он. — Я никому не говорил. И банк узнал от вашего же уведомления. Если эта заметка выйдет сейчас, она ударит и по моей доле, и по любому нормальному выходу. Пришли мне имя журналиста.

— Зачем? — На экране уже открыто имя журналиста, но я не тороплюсь пересылать его Кириллу.

— Потому что кто-то торопится сильнее меня, Вера, — отвечает он без паузы.

Я не верю Кириллу ни в прошлом, ни в семье, ни в отметке под проектом. Но сейчас слышу, как он пытается понять случившееся одновременно со мной. Возможно, эту дверь открыл действительно не он.

Телефон снова вибрирует. Сообщение присылает директор нового кампуса.

«Вера Сергеевна, родители начали требовать возврат денег».

Глава 13. Первые уходят

Первое заявление о расторжении приходит через семь минут после сообщения директора. Второе — пока я спускаюсь к машине. Третья семья пока ничего не подписывает, но требует до утра подтвердить, что кампус откроется в срок и их ребёнок не останется в августе без школы.

Я разворачиваюсь от лифта и возвращаюсь в кабинет. Домой сейчас ехать бессмысленно: там тишина, Лизины серьги на кровати и ни одного ответа, который поможет стройке.

Наташа собирает команду в большой переговорной. На экране вместо презентации Nova висит таблица договоров нового кампуса. Три красные строки среди нескольких сотен выглядят почти безобидно, если не знать, как родители выбирают школу. Им достаточно одного сообщения в классном чате, чтобы к утру там появились фотографии замороженной стройки, слухи о банкротстве и знакомый юрист, который объяснит, как первым забрать деньги.

— Двое уже подписали, — говорит Елена по видеосвязи. За её спиной ещё горит свет в приёмной; на столе лежит стопка касок для завтрашней экскурсии. — Третьих уговорила дождаться утра. Потом посыпались звонки. Один папа пять раз спросил: «У вас деньги есть?» Что мне ему отвечать, Вера Сергеевна? «Часть есть»?

Наташа предлагает немедленно выпустить опровержение, но спотыкается уже на первой фразе. «Школа работает в обычном режиме» звучит издевательски, пока новый корпус стоит без окон на третьем этаже, а банк разбирает наш приказ.

— Напишите, что финансовых проблем нет, — всё-таки предлагает она. — Хотя бы до решения банка. Иначе чат к утру разнесёт нас по кускам.

Я беру расчёт Сергея. До конца месяца денег хватает. Дальше в каждой колонке стоят условия, на которые мы сейчас не влияем. — А если завтра задержим первый платёж, что вы скажете тем же родителям? Что вчера проблем ещё не было?

Наташа сминает черновик и бросает ручку поверх листа. Я переключаюсь на Елену. — Перезвоните тем одиннадцати сами. Скажите: стройку сегодня никто не остановил, ближайшие счета оплачены, утром я отвечу на вопросы. Захотят расторгнуть — оформляйте. И пожалуйста, не просите их ничего не писать в чате. Такая просьба там проживёт дольше любого нашего письма.

— Про банк говорить? — Елена снова надевает очки, но промахивается дужкой мимо уха и сердито поправляет их.

Я не могу спрятать уведомление, которое завтра окажется у журналиста. — Если спросят прямо, да. Линия на пересмотре. Я буду на встрече в девять.

Елена записывает время на полях распечатки. Я всегда требовала, чтобы родители получали от нашей школы ясный ответ. Сегодня самым честным ответом оказываются три недели, которых им никто не обещал.

Сергей входит последним, с пачкой распечаток и зарядкой, которую волочит за ноутбуком. Он просит десять минут на окончательную модель, но я усаживаю его рядом с Ольгой: ждать идеальных цифр мы уже не можем.

— Если возвраты ограничатся пятью процентами, выдержим? — спрашиваю я.

Он проводит пальцем по таблице и отвечает не сразу. — Да, но придётся заморозить часть закупок и переносить авансы. При десяти процентах начнём вытаскивать деньги из действующей сети. При пятнадцати новый кампус станет ямой: чем больше в него положим, тем страшнее будет остановиться.

В переговорной кто-то выключает звук уведомлений. За стеклом сотрудники ещё ходят по коридору, хотя рабочий день закончился. Они уже видят закрытые двери и Кириллов пустой кабинет. Если завтра выйдет заметка, скрыть конфликт от команды всё равно не получится.

— Значит, задача на сегодня — не дать двум заявлениям превратиться в пятнадцать процентов, — решаю я. — Елена готовит встречу с родителями. Наташа поднимает партнёров и подрядчиков. Ольга отвечает журналисту, что компания продолжает работу и не принимала решений о передаче бизнеса Nova. Сергей ищет, чем перекрыть разрыв без денег действующих школ.

Роман входит, когда мы уже спорим о формулировках. Его никто не звал на кризисное совещание; Наташа признаётся, что сама переслала ему письмо Northbridge, потому что фонд участвует в программе нового кампуса. Он остаётся возле двери и ждёт, пока я закончу раздавать задачи.

— Если встреча только для команды, я уйду, — говорит он. — Но у фонда утром совет. Мы можем подтвердить, что стипендиальная программа в новом кампусе профинансирована независимо от вашей кредитной линии.

Сергей сразу поднимает голову. Ему сейчас хочется превратить любую независимую сумму в спасательный круг, и я вижу это раньше, чем он успевает спросить.

— Сколько вы готовы гарантировать? — спрашиваю я. — И где мелкий шрифт?

Роман ставит папку на край стола и сразу находит таблицу с детьми в середине. Возле каждой фамилии сумма и программа. — Вот этих ребят мы уже взяли. Совет может подтвердить, что их обучение и приглашённых преподавателей оплатит фонд, даже если вы сдвинете открытие.

Сергей тянет папку к себе. — Эти деньги можно направить на подготовку классов?

— Нет, — Роман придерживает страницу. — Фонд обещал их детям. Я могу снять с вас часть расходов по программе, но плитку за наши деньги вы не купите.

Мне нравится, что он останавливает Сергея сам. Через минуту Роман находит и «мелкий шрифт»: отдельный счёт, наш отчёт по каждому платежу, совместный комитет. Если школа начнёт затыкать деньгами фонда другие дыры, выплаты остановят.

— А взамен вы объявите, что фонд за нас ручается? — спрашиваю я.

Роман качает головой. — За всю компанию я ручаться не могу. Могу выйти к родителям и сказать, что наша программа остаётся. А ещё могу завтра сидеть рядом с вами на звонке Northbridge. Они меня хотя бы дослушают.

Наташа уже открывает календарь, а я возвращаю папку Роману. — Сегодня никаких объявлений. Сначала Ольга прочитает условия. Звонок с Northbridge назначайте. Вы говорите за фонд, я сама отвечу за школу.

— Договорились. — Он убирает документы и, помедлив, добавляет: — Вера Сергеевна, если бы я хотел всучить вам деньги без условий, принёс бы одну страницу. Тут двадцать семь.

Наташа неожиданно смеётся. Я тоже улыбаюсь, хотя сил хватает на секунду. После этого команда спорит уже тише и наконец договаривается, кому звонить утром.

К полуночи у нас всё ещё два расторжения. Третья семья обещает прийти на встречу. Я обновляю таблицу, вижу те же две красные строки и впервые за несколько часов перестаю ждать, что сейчас появится третья.

Мы отпускаем команду. В переговорной остаются стаканчики, засохшие маркеры и коробка с пиццей: кто-то съел всю начинку, а корки сложил обратно, будто так приличнее. Я собираю бумаги, когда Сергей появляется в дверях. Галстук снят, один рукав закатан выше другого.

— Я должен был принести это раньше, — говорит он и закрывает дверь. — Просто до сегодняшнего дня не видел причины.

Сергей ставит ноутбук на стол и открывает финансовую папку. Файлы разбросаны по месяцам. В одном аренда, в другом люди, дальше прогноз выручки и цена наших программ. Он ждёт, пока я просмотрю названия, и сам произносит имя Кирилла.

— Давно он просит тебя это считать?

Сергей снимает очки, хотя без них почти упирается лицом в экран. — Несколько месяцев. И всё время отдельно от сети.

Глава 14. Он действительно готовился

— Несколько месяцев подряд. Отдельно от основной сети.

Сергей открывает самый ранний файл. Он создан в феврале и называется «Сценарий МН-2» — так скучно, что я могла бы увидеть его в списке и сразу закрыть. Последний расчёт меняли в прошлый понедельник. Между ними ещё четыре таблицы.

— Переведи с финансового на человеческий. Что он хотел узнать?

— Сколько стоит международное направление, если

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.